

Денне Пурнеб

ПРОЕКТ ДИВЕРСИИ ОНЛАЙН
ИМЕННО ЛИЧНОСТЬ ЛЕОСЛ

Маона

Немногой крестелок

В мире Зидии 600 лет назад произошла катастрофа, позднее названнаяпадением. Под ударами союзников рухнула Империя Ночи, созданная вампирами. И сегодня жалкие остатки их народа прячутся по миру в надежде выжить и отыскать Камень Ночи, могущественный артефакт, дарующий возможность вернуться к прежнему величию. Миссия возвращения возложена на Паолу, вампиршу, чья случайная встреча превратила её в исключительную сущность. Но на пути встаёт множество преград, преодолеть которые в одиночку практически невозможно.

Паола. Пролог

Я бежала по ночному лесу, легко уворачиваясь от ветвей. Ночное зрение, бессмертие и некоторые другие достоинства дала мне моя «нежизнь». Было время, когда я упивалась своим могуществом. Я была безжалостной ночной охотницей, несущей смерть теплокровному «корму». Но, спустя столетия, прошедшие за падением Ночной империи и времени моего рождения, я всё чаще стала ощущать сосущую пустоту внутри. Мой Наставник, выслушав мой сбивчивый рассказ, усмехнулся и отправил меня к главе клана — Владыке Моргензу. Старейший из нас, выживших после Войн Гнева, ведущий нас последнюю тысячу лет, остановил меня легким жестом руки, и я впервые услышала от него слова одобрения:

— Рано или поздно некоторые из нас приходят ко мне с этим вопросом. Многие из нас, пережившие падение империи, долгое время пытались жить, как раньше — выследить, обескровить и вновь скрываться. Это удел безумцев. Если мы не сможем приспособиться, если не научимся сосуществовать, то всем нам вскоре придет конец. Жалкие осколки некогда великого народа, мы прячемся, словно дикие звери, в самых темных, жутких углах. Но, — он сделал паузу, — мы живы. А те несчастные глупцы, что решили, будто смогут жить так, как раньше, своим пеплом усеяли крестьянские поля. Вот такая ирония судьбы, — он ласково потрепал меня по щеке, — а теперь иди, Паола. Я хочу побыть один.

После этого нашего с ним разговора прошло уже несколько десятилетий. За это время я стала глазами и ушами Владыки в мире людей. Я исколесила весь юг империи, побывала в Иссилии, Гал’риаде и диких степях кентавров. Мы хотели вернуться к «нормальной жизни», а не прятаться в старых развалинах, в которых клан жил последние пятьсот лет.

В тот раз важные дела привели меня в малонаселенные районы пограничных земель между империей: Иль’хашшаром и Степью кентавров. Моей целью был Воргент — самый крупный имперский город на юге. Его еще называли Вратами Юга. Город был надежно обнесен высокой стеной и запирал узкий проход между горами и темными лесами — обиталищем темных эльфов. Благодаря этому городу-крепости человеческий император мог не опасаться, что однажды «лошадники» постучатся в ворота его владений. Мне оставалось еще два ночных перехода, когда случилась то, что навсегда изменило мою жизнь.

Я успела уклониться от очередной ветки, когда краем глаза заметила искру костра, спрятавшегося за высокими спинами неподвижных деревьев. «Очень странно», — подумала я. — «Это еще земля темных эльфов, чтобы кто угодно мог по ним разгуливать». «Любовь» темных к незванным гостям была общеизвестна. А самих темных, вздумай они выйти на

пикник, даже я заметила бы, лишь наступив на них.

Любопытство сгубило кошку, а также еще несколько сот тысяч подобных существ. Его жертвой стала и я. Оставив заплечный мешок среди корней старого дуба, надвое расщепленного молнией, я стала красться к трепещущему огоньку.

Подобравшись поближе, я увидела интересную во всех отношениях картину: в центре освещаемой несколькими кострами большой поляны, высился обломок скалы, к которому был привязан человек в белом плаще. Перед импровизированным жертвенником стояло несколько человек в богатой одежде. Между ними и привязанной к скале жертвой стоял жуткий алтарь в форме грубо вырезанного черепа, вокруг которого дымились толстые черные свечи.

Заправлял этой вакханалией высокий человек в балахоне, лица которого невозможно было разглядеть, так как оно надежно было спрятано надвинутым на глаза капюшоном. Он пел (если это можно было назвать пением) на странном хрипло-рычащем языке какие-то гимны. Обе его руки крепко сжимали огромный нож с волнистым лезвием, по которому жутко пробегали темные искры, оставляя в воздухе тонкие дымные полосы. Стоящие полукругом застывшие зрители также привлекли моё внимание. Я не почуяла присутствия лошадей, а это могло означать, что кто-то из них весьма сильный маг. А может и не один. Я более внимательно присмотрелась к их аурам. Так и есть! Аура единственной в этой компании женщины буквально сочилась магией, как и фигура в балахоне. Только «балахонник» при этом явно не был человеком. Остальные трое мужчин были обычными людьми. Хотя на груди самого низкорослого, но такого широкого в плечах крепыша, висела герцогская цепь.

Когда я уже была уверена, что все разглядела и собиралась по-тихому удалиться, из-за скалы вышли двое орков, с ног до головы увешанные оружием. Разве что осадных орудий не было. Они встали по обе стороны от готовящейся жертвы и замерли, словно статуи. Я снова решила присмотреться ко всей честной компании и внезапно испытала чувство, сравнимое с шоком. То, что я приняла за плащ или накидку, на приговоренном к неминуемой смерти, оказалось парой белых крыльев! В нескольких местах они были обуглены, да и на теле я теперь рассмотрела следы пыток.

Это же серафим!!! Великие Тёмные боги — живая легенда! Даже я за своё шестисотлетнее существование слышала лишь смутные легенды об этих существах. Их считали командирами Небесной Рати, верными слугами Светлого Пантеона. Что же здесь происходит?! Вмиг кошачье любопытство выросло до размеров тигриного! Тем временем заговорил высокий жрец, и я вся обратилась в слух:

— Нет смысла противиться воле моего повелителя, серафим, — неприятным голосом начал жрец. — Еще немного, и ты будешь сломлен. Покорись! И избежишь ненужной боли.

— Ха, — внезапно прервал его коротышка-герцог. — Ты говорил это еще вчера, Балт'раан. А воз, — он обвел соратников взглядом, будто ища поддержки, — и ныне там. Что-то не выходит у тебя или у твоего Повелителя?

— Осторожней, когда говорите о Повелителе, — внезапно по-змеиному прошипел названный Балт'рааном. — Никто не знает, чем это для вас может обернуться, милый герцог.

Но, видимо, герцога смутить одними словами было трудно, да и народ здесь подобрался не из пугливых, раз забрались в такую глушь, да еще и без войска. В нынешнее время полагаться на одну магию, по крайней мере, легкомысленно. Герцог хмыкнул и перевел взгляд на серафима, всем своим видом выражая недовольство, граничащее с презрением.

— Когда мы давали согласие на этот, хм, ”эксперимент”, мы ожидали более весомых доказательств могущества твоего Повелителя, Балт’раан, — произнес один из молчащих до этого спутников герцога. — Нашему ордену требуется еще больше магического потенциала, но в случае, если мы не получим его у вас, мы обратимся к другим силам. И все наши договоренности будут разорваны.

Кажется, это подействовало. Высокий жрец неизвестного Повелителя вернулся к камню, и странный кинжал в его руках запорхал, вырисовывая некую магическую фигуру. Воздух вокруг камня замерцал, и люди подались вперед, словно гончие, раздувая ноздри. Даже безучастно стоявшая все это время магесса, словно зачарованная, шагнула вперед, словно забывая про все на свете. Только орки остались стоять неподвижно, смотря по сторонам одними глазами. Неожиданно серафим поднял голову и наши взгляды встретились.

— Помоги, — кричали его глаза! — Помоги, кем бы ты ни была!

Не знаю, как это произошло, но я решилась, зная, что совершаю очередную глупость. Я с силой прыгнула вперед и вверх, почти без разбега, уже в воздухе призывая Когти.

... Первой умерла женщина, интуитивно определенная мною, как наиболее опасная противница. Но дальше все пошло наперекосяк. Умиравшая волшебница захрипела, и это спутало все мои карты. Присутствующие на поляне разом обернулись, и вот уже три меча, покинув ножны, угрожающе смотрят в мою сторону. Орки, вытащив свои знаменитые секиры, остались на месте, видимо подчиняясь жрецу, который был полностью погружен в исполнение ритуала и поэтом пропустил начало представления. «Самое время для улыбки», — подумала я, обнажая свои клыки.

— Вампирша! — разом вскрикнули люди.

— Совершенно верно, господа, — я отвесила небрежный поклон и тут же сорвалась в атаку. Проскользнув под мечом ближайшего ко мне “вояки”, вспарываю ему живот и тут же вынужденно отпрыгиваю назад, разрывая дистанцию. Герцог и оставшийся очень профессионально машут передо мной своими железяками.

— Убейте её, — неожиданно пронзительно и тонко завопил Балт’раан, спуская на меня орков. Зеленокожие нас тоже не любят, хотя в свое время им досталось намного меньше, чем остальным расам. — Я должен завершить ритуал!

Вот так! Четверо на одну! Самое то, когда хочется остаться в живых. Я хохочу и ускоряю движения, мои Когти всюду горят фиолетовым пламенем. Это отличительная особенность моего клана. Нас так когда-то и дразнили — “когтистые”. На староимперском наречии «Ит’хор» — коготь. Но это все в прошлом, как и то, что мы были лучшими бойцами на Зидии.

Ловко ловлю меч герцога когтями и тут же контратакую. Он, не ожидая такой резвости, не успевает отдернуть голову, и мои когти превращают лицо человека в кровавую маску. Но тут в схватку вступают орки. Их секиры режут воздух, едва не задевая меня. Успеваю заметить, как прядь моих чёрных волос мягко падает на землю. Опасные соперники! Привыкли работать в паре, причем очень слаженно, что делает их смертельно опасными! Краем глаза успеваю заметить, что жрец, не останавливая свою кровавую вакханалию, водит кинжалом возле самого сердца серафима. Время на исходе! Вновь делаю мощный прыжок вверх, перелетая через головы противников, и сверху вижу, как лезвие кинжала входит в тело небесного воина... Как он забился в своих путах!!! Казалось, что сейчас у него оторвутся руки в суставах.

Жрец успевает обернуться, и я вижу крайнее удивление на нечеловеческом лице, прежде

чем мои когти погружаются в его грудь, а сам он падает на землю под моим весом. Кровь у него в свете Луны кажется чёрной, и ветер разносит по поляне невыносимое зловоние. Первыми, как и следовало ожидать, в себя пришли орки. Я скорее почувствовала, чем услышала свист секиры за спиной, и чтобы не оказаться располовиненной, мне приходится «утечь» в сторону. Тут один из орков, наносящий, как ему казалось, завершающий удар, проваливается вперед, подставляя шею под мои когти.

Минус один!

Второй орк, издавая страшный звериный рев, швыряет свою секиру в меня с такой силой, что пробил бы и крепостную стену. Увернуться мне самой ничего бы не стоило, но привязанного серафима попросту разрубило б на две части. Придётся совершить еще одну глупость! Я блокирую скрещенными когтями несущуюся на меня стальную смерть, но сила удара такова, что меня отбрасывает прямо на небесного воина. Руки, казалось, на миг отнялись, тело серафима смягчило удар, но ему стало гораздо хуже, изо рта и раны в груди течет серебристая кровь...

Тем временем орк, достав короткий широкий меч, а во вторую руку кинжал, бежит на нас вместе с оставшимся в живых человеком:

— Разрежь веревки, — раздаётся над ухом хрип серафима. Я повиновалась, миг перехватив веревки с правой стороны.

— Пригнись!

Исполняю и вижу, как раскрывшееся крыло сносит, словно пушинки, человека и орка. Их отбросило к деревьям. Человек так больше и не поднялся. Только орк шевелится и пытается встать. Такого шанса я ему не дала.

— Вытащи кинжал, Дитя Ночи, — еле слышно произносит серафим. И по надувшимся венам я вижу, какого труда ему стоит оставаться в сознании. — Только не касайся лезвия. Эта вещь проклята.

— Не дергайся, белокрылый, — рычу я от бессилия что-либо исправить. Но кинжал все-таки вытащила. Хотя мне казалось, что мерзкая вещица сопротивлялась, будто живая. — Попытаюсь остановить кровь.

— Даже не думай. Моё время приходит. Раны, оставленные этой мерзостью не излечить даже богам, — он уже еле шептал, и мне пришлось нагнуться ближе, чтобы ловить каждое слово. — Как твое имя, друг? — неожиданно спросил он.

— Паола.

— Красивое. Как и ты, — улыбнулся он и через силу сплюнул кровью. — Хочу сделать тебе подарок.

— С ума сошел, крылатый?!

— Помолчи, длиннозубая, — усмехается он. — Воля умирающего священна. Даже для вас.

— Ну-ну. Чего же ты хочешь? — еще сильнее удивляюсь я.

— Мои враги хотели заполучить это силой. Тебе я отдаю по доброй воле. Пей, — резко протянул он мне правую руку.

— Великие Тёмные боги! — воскликнула я отшатываясь. — Да ты рехнулся, серафим?!

— Пей, дура, — рявкнул он, и со стоном откинулся на камень. Кровь полилась сильнее. — Моя кровь священна. Ты обретешь небывалую силу и могущество, — он почти просил. — Я не хочу умирать ни за что.

Я все еще сомневалась.

— Без сомнений, длиннозубая, — вновь усмехнулся он. — Пей.

С первых же его слов я чувствовала, что не смогу ему отказать. Аккуратно взяв его мускулистую руку, я припала к запястью. Его кровь обжигала, словно в венах серафима тёк жидкий огонь. Голова закружилась, и я начала терять чувство реальности. Передо мной проносились обрывки его и моих воспоминаний, сплетаясь в безумный хоровод теней прошлого.

Когда я отняла губы от его руки, он уже умер. И в смерти, кажется, стал еще прекрасней.

— Побудь со мной до утра, Паола, — раздался в моей голове его голос.

Я перетащила его ангельское тело подальше от жертвенного камня, где не было крови и мёртвых тел. Головокружение не прекращалось, время от времени по моим венам пробегали волны обжигающего огня. Во рту сильно пересохло, казалось, непослушный язык царапает нёбо. На моё счастье, такое состояние продлилось недолго, потому что я просто потеряла сознание.

Пришла я в себя так, будто вынырнула на яркий, солнечный свет! Стоп!

Яркий! Солнечный! Свет!

Над тёмно-зеленой стеной леса небо стало светлеть с пугающей скоростью. И вот уже первые лучи восходящего солнца, словно копья, ударили в разные стороны. Зрелище, которое я не видела очень и очень давно, уже успев позабыть, какое же оно прекрасное! Ведь по иронии творца — это последнее, что видит вампир в своей “нежизни”.

Солнце неукоснительно поднималось все выше. Кожа моя нестерпимо горела, перед глазами метался рой искр, меня терзала жуткая боль. Я, кажется, рыдала и...не умирала. Вот это Дар, мой белокрылый серафим! Я обернулась, чтобы еще раз взглянуть на моего благодетеля, но успела только увидеть, как его тело в переплетении солнечных лучей поднималось в воздух. Огромные белые крылья распахнулись, едва не касаясь крон высоких деревьев. Наверное, это было самое прекрасное зрелище, что я видела за свои шестьсот лет. С тела серафима исчезли следы пыток, крылья вновь стали белоснежными, и сияли так, что глазам больно было смотреть. И он улыбался. Его огромные белые крылья окутали его, словно кокон и он исчез во вспышке яркого света. Лишь несколько перышек кружило в воздухе.

А ведь я так и не узнала его имени. Жаль!

Внезапно подувший ветерок понес перья в мою сторону, заставляя исполнять какой-то неведомый танец, и неожиданно, резким порывом, бросил их мне прямо в лицо. Больше всего это напоминало нежное прикосновение крепких, мужских рук. Незабываемое ощущение!

— Меня зовут Тираэль, — раздался в моей голове его голос. — Удачи, длиннозубая!

Глава 1

Никогда еще империя вампиров не испытывала таких потрясений! Пришедшие на Зидию последними расы галов, людей и кентавров попали под власть Королевства ночи. Или, как они сами её называли — Ночная империя. Но недолго пробыли они рабами. Словно стая голодных волков вцепились они в горло одряхлевшего исполина. И колосс зашатался!

Последний раз вампиры воевали триста лет назад, когда объединенные банды орков с Седых островов и вольных танов решили потрясти мощну богатого соседа, забыв, что сосед ни добрым нравом, ни милосердием не отличается. Так что, удовлетворившись тем, что ни орки, ни таны носа не казали из-за Моря Льда, империя вернулась к обычному течению спокойной жизни.

Имперская власть опиралась на семь Великих кланов, а её могущество проистекало из магических кристаллов, подаренных, по слухам, расе вампиров самими Тёмными богами — Дароном и Аталией. Главный камень, называемый “Сердце Ночи”, находился в столице, городе Нуархат. При помощи кристаллов маги вампиров сотворили великую волшбу, и над всеми землями Ночной империи воцарился вечный сумрак, не пропускающий лучи солнца, губительные для их расы, но дающий возможность всему живому расти и плодоносить.

Незадолго до войны Тёмные боги перестали отвечать на молитвы жрецов и приносимые ими жертвоприношения. А в наступившей тишине многие, обладающие Даром, почувствовали чьё-то зловещее присутствие, будто некая сила изгнала богов и хищно наблюдала за разворачивающейся трагедией. Жрецы потерянно молчали, пытаясь успокоить свою паству. Но разве найдешь слова для тех, кто в одночасье осиротел. По государству, стоящему на пороге войны, прокатилась волна самоубийств вампиров и спутников, как простых обывателей, так и облечённых высоким положением.

Сделав невероятное усилие, императору, возглавившему легионы и войска кланов, удалось остановить продвижение армий «последышей», как презрительно называли людей и их союзников в Ночной империи. Но тут в спину им ударили сид’дхи, народ могущественных магов и воинов, тысячелетиями пестующих своё искусство. Одна из старейших рас на Зидии поддержала молодых амбициозных завоевателей. Их удар был страшен! Не имеющие сильных магов, люди брали числом, словно прилив, поглощая яростно сопротивляющийся берег, а сид’дхи стократно увеличили их мощь...

Гистарп грасс Януат, император и владыка клана Януат, не спал уже несколько дней. Он сильно осунулся и некогда высокий, сильный, с царственной осанкой, сейчас напоминал загнанного в угол волка. Лихорадочный блеск и без того красных глаз, часто выступающий кровавый пот, выдавали магическое истощение, не добавляя ему привлекательности. Когда-то красиво уложенные волосы теперь в беспорядке разметались по широким плечам. Золотой обод, знак высшей власти, валялся на столе между картами и оружием. Здесь, в маленькой комнате, стены которой были обиты гобеленами с играющими зверями, находился он и два ближайших советника, ранее входивших в Большой Совет. Все остальные командиры уже покинули комнату Совета.

— Завтра утром армии этих ублюдков будут у стен города, — мрачно высказался Ителл грасс Сангот, Владыка клана Сангот. Один из двух выживших Владык кланов. Все остальные уже отправились во Тьму. Чёрная повязка на левом глазу делала его похожим на грабителя. На плечах его лежала волчья шкура, под камзолом угадывалась кольчуга, а дополняла портрет орская секира — военный трофей с последней войны. — А мы так и не решили, повелитель, где примем бой. В поле или в стенах города?

Император оторвался от просмотренной до дыр карты:

— Завтрашний день — последний, — тяжело роняя слова, произнес он. — Какая разница, умрем мы часом раньше или часом позже, Ителл?

— Может, всё-таки воспользуетесь подземным ходом, — начал, видимо старый разговор, советник? Но император гневно оборвал его:

— Ты думаешь, такое предательство сделает мне честь, Ителл грасс Сангот?! В последний час моего народа их повелитель трусливо сбегает, поджав хвост, чтобы до конца жизни мучиться от позора?! Да и бежать некуда, старый друг, — устало улыбнулся император. — Я остаюсь.

— А тёмные эльфы, — не сдавался Сангот. После быстрого обмена взглядами с другим

советником, Моргензом грасс Ит'хор, Владыкой клана Ит'хор. — Они обещали помочь.

— Давай не будем снова начинать этот разговор, Ителл. Ты знаешь, что я откажусь. Но если кому-то посчастливится пережить завтрашний день, пускай воспользуется их предложением. Хоть кто-то из нас должен выжить.

— Хорошо, государь, — вместо Сангота ответил Моргенз.

— Что слышно о сид'дах? — Сквозь зубы прорычал император, до хруста сжимая кулаки.

— Наверняка идут с армиями людей, повелитель. Вряд ли они пропустят миг своего триумфа.

— Да, эти псы там, — странно растягивая слова, почти прошептал Гистарп грасс Януат. — Проклятые предатели. Трупоеды... — Он что-то тихо шептал, уставившись невидящим взглядом в распахнутое окно.

Переглянувшись, советники неслышно покинули комнату, приказав стоящим у дверей гвардейцам, немногим уцелевшим из клана Януат, никого не впускать к императору какое-то время. Такие приступы стали случаться с ним всё чаще и чаще с того дня, когда сид'дхи прислали ему в корзине головы детей и фаворитки, которых он не успел перевезти в столицу. Тогда броня каменного спокойствия впервые дала трещину, вмиг обратив повелителя вампиров в дикого зверя, крушащего в щепы всё, до чего он мог дотянуться, пока не рухнул без чувств на пол.

— Встретимся через час, ит'хор, — пробасил Ителл. — нужно обсудить несколько вопросов и принять решение по завтрашнему сражению.

— Не торопись, Ителл, — произнес, криво усмехнувшись, Моргенз, — успеешь намахаться своей секирой. Гистарпа никакая сила не удержит завтра за стенами, вот увидишь. Бой начнется в поле.

— Мне бы хотелось, чтобы его вообще не было, этого боя, — неожиданно признался одноглазый советник.

— Всем бы этого хотелось, Сангот. Всем. Только выбора у нас нет. А завтра есть шанс дать напоследок людишкам хорошего пинка, и я очень хочу им воспользоваться.

— Хо-хо, впервые слышу от тебя подобные речи, Моргенз. Не ты ли всегда пытался их защищать?!

— Это было давно. И, как оказалось, я был прав, не так ли, — он пристально взглянул в единственный глаз Сангота. — Не стоило задирать их, вкупе с лошадиниками. Но и никто не мог знать, что сид'дхи, забери их тьма, вылезут из-за своих гор и ударят нам в спину. Никто!

— Владыки, — позвал разговаривающих советников один из стражей, — повелитель зовёт вас.

Едва переступив порог комнаты, они услышали голос императора:

— Я решил, что нужно еще раз проверить ходы. Подготовить их, чтобы завтра вывести как можно больше вампиров и спутников, пока мы... Тут мне в голову пришла одна идея и нужен ваш совет.

В итоге, освободившись в середине ночи, владыки, оставив императора на попечение царедворцев, покинули дворец. Моргенз спешил по улочкам столицы, битком забитых беженцами, домашним скотом, подводами с нехитрым имуществом спутников и тьма знает, чем ещё. Все до последнего спутники знали, чем закончится завтрашний день, иллюзий не испытывал никто. Хотя они и могли жить при солнечном свете, а многие так и делали. Человечество не признавало их и истребляло с той же ненавистью, что и вампиров, их

господ.

Погрузившись в тяжкие раздумья, Моргенз завернул за угол и едва не наступил на выскочившего из ворот богатого особняка мальчишку. В охотничьем костюмчике и высоких эльфийских сапожках, ребенок бесстрашно рассматривал его, явно собираясь что-то сказать, когда из дверей дома выскочила старая няня-спутница:

— Господин Сарах, Ваша матушка не велела покидать дом.

— Ну, Зулия, — капризно заныл мальчик. Тут же забыв о стоявшем перед ним Владыке. Но няня сразу разобрала, кого повстречал её подопечный, и согнулась в поклоне.

— Прошу прощения, господин, не сразу Вас заметила, — сказала она без подобострастности. — С этими детьми столько хлопот.

— Чей это ребенок, нэнна, — из вежливости спросил Моргенз?

— Это герцог Сарах грасс Януат, господин.

— Я знал его отца, — тихо произнес Владыка. — Уведи его в дом, Зулия. И завтра постарайтесь выжить.

— Я исполню свой долг, господин, — тихо произнесла спутница. Она резко извлекла из рукава стилет, и так же быстро спрятала его. Её глаза полыхнули решимостью умереть прежде, чем лучи солнца обратят в прах маленького непоседу.

— Храни тебя Аталия, Зулия, — так же тихо произнес Моргенз, сам не веря в свои слова, и быстрыми шагами скрылся в конце улицы.

Владыка шёл в квартал Орхидей в пустой дом, где его ждал только слуга Нуций. Ворчливый старый спутник остался один после гибели жены Владыки в очередной пограничной стычке с галами. Её сабли так и висят над его креслом в зале советов. Он думал о завтрашнем дне, когда его раса перестанет существовать, а он, скорее всего, погибнет в бою или под лучами солнца. Эта мысль внезапно его успокоила и дурное настроение, не покидавшее его всё это время, стало потихоньку улетучиваться.

Нуций не спал, расставляя свечи в гостиной и разливая вино.

— Ты явно сегодня в настроении, господин, — сухим надтреснутым голосом произнес старик, не оборачиваясь.

— Как ты все время узнаешь о моем настроении, Нуций?

— По скрипу ступенек, господин, — усмехнулся старик.

— Ты хитрый наблюдательный старикашка, Нуций — буркнул, невольно улыбаясь Моргенз, скидывая тяжелый церемониальный плащ. — Принеси мне вина в кабинет, пока не пришли командиры.

Но едва Моргенз расположился в кресле с бокалом вина, шум голосов заставил его спуститься вниз. За столом расположились шестеро ит'хор, старшему из которых, Свиргану, уже миновало пять столетий, а самому молодому, Тирслину, было всего двести лет. Свирган с кубком в руке уже сошелся в споре со своим вечным оппонентом Гераем. Чуть в стороне от всех сидел, катая в руках бокал вина, наставник молодых ит'хор Феодосий, чьи седые волосы были заплетены во множество косичек, на манер какого-то дикого племени. Двое оставшихся были еще моложе, но из-за потерь клана и их бойцовых качеств были введены в совет.

При виде Владыки ит'хор поднялись из-за стола на миг, склонив головы.

— Владыка.

— О чём спор, грассы?

— Готовимся к завтрашнему бою, Владыка. Распределяем места в строю.

— Не торопитесь, ит'хор, — улыбнулся Моргенз, — для нас поставлена другая задача. Так что клан будет участвовать в битве не полностью.

— Как?!

— Что за бред, — вспыхнул один из самых молодых воинов! — Это невозможно...

— А ну-ка, тихо, — рявкнул, приподнимаясь со своего места, Феодосий, — Владыка не закончил говорить!

— Мы приняли решение разделить клан перед битвой, — будто не замечая вытянувшихся лиц своих воинов, продолжал Моргенз. — Сотня Тирслина будет охранять Императора.

— Почему его, — со сквозившей ревностью спросил Свирган? — У него еще молоко не обсохло, а тут такая честь?!

— Оставшимся, Свирган, достанется честь не меньшая, — спокойно продолжил Владыка. — Одни из вас будут охранять ворота, другие — Башню Ласточки. Сердце Ночи будет спасено, или же будет уничтожено, но не достанется нашим врагам. А вот для этого мне и понадобятся самые опытные и надежные воины.

Едва сквозь пелену щита проглянуло солнце, разгоняя ночной полумрак, во всех концах столицы заиграли боевые рожки. Легионы строились и чёткими колоннами, напоминающими толстых стальных змей, двигались по просыпающемуся городу. Хотя вряд ли кто-то мог спать в эту ночь. И топот солдатских ног напоминал неумолимый ход времени, отсчитывающего последние мгновения.

Бум-бум-бумм!

В кварталах, где были расквартированы остатки Кланов и жившие в столице воины, не было слёз и прощаний. Командиры, следуя указаниям, вели воинов к главным, Царским воротам. Из семи кланов в Нуархате находились лишь два, да еще к ним добавились оставшиеся без Владыки клановые бойцы Гролл'харт. Последний клан представлял сам император, Гистарп грасс Януат и еще некоторые вельможи, среди которых был командующий северной армией Хараниш грасс Януат.

Легионы и Клановы выходили, выстраиваясь в боевые порядки, окружая Нуархат живым щитом. В центре, за первой линией обороны, состоящей из воинов гролл'харт, находился император, окруженный телохранителями ит'хор. Они же поддерживали гролл'харт, вооруженных тяжелыми башенными щитами и трёхметровыми копьями. В их задачу входило выдержать первый натиск конницы, то есть кентавров и людей. Племя кентавров славилось своей неистовой атакой, но, если противник выдерживал первый, самый безумный натиск, то дальше они сражались без первоначального запала. Особенно эти полулюди-полукони славились умением обращаться с двуручными мечами — цвайгхандерами и метанием дротиков. И каждый четвероногий воин, одетый в кожаные доспехи с нашитыми металлическими бляхами, вёз с собой по целому пучку коротких копий.

Галы, пришедшие чуть раньше людей, отличались от последних более стройным телосложением. Тонкие, изящные, с большими раскосыми глазами и огромной, невероятно густой гривой волос, они бы напоминали эльфов. Но в то же время так люто их ненавидели, что, едва появившись на Зидии, тут же накинута на тёмных родичей Иль'хашшара. Однако, те дали им такой отпор, что отбили всяческую охоту в ближайшие годы соваться в Великий лес. Но их неуёмная энергия требовала выхода, и тут на Зидии появились люди. Кровь и тех, и других пришлась по вкусу вампирам, которые стали изрядно прореживать ряды молодых рас. Быстро поняв, что от их союза выиграют обе стороны, люди и галы, объединившись,

стали в свою очередь пробовать империю на вкус.

Появившиеся последними кентавры отличались особой жестокостью и поклонялись кровожадному богу войны — Шингану. Поэтому с энтузиазмом восприняли идею войны с империей вампиров. Так сложившийся триумvirат очень быстро заставил с собой считаться. Единственным преимуществом вампиров в грядущей войне стала магия. Ни у одной из противостоящих им рас не было столько одарённых богами магов. Семь Великих кланов, обладающих только им присущей магией и частные школы, могли уравнивать шансы. И тут случилось то, что предопределило весь ход войны.

Во время битвы за Даан, один из городов-хранителей Кристаллов Ночи, на помощь осаждающим его людям пришли сид'дхи — одна из старших рас, пришедших на Зидию задолго до вампиров. Их маги взломали оборону клана Саратхи и разрушили кристалл. В мгновение ока десятки тысяч вампиров сторели в яростном солнечном свете, а щит растаял, оголив огромный участок империи. Пока в столице разобрались, что к чему, в образовавшуюся брешь, словно океанские волны, хлынули армии союзников. Империя, не сумев организовать оборону на два фронта, вскоре потеряла почти все кристаллы, пока под крылом вечных сумерек не остался один лишь Нуархат.

Глава 2

Император Гистарп грасс Януат еще раз осмотрел ряды своих воинов. Своих подданных. «Что же ты за вождь, — в сотый раз шептал он про себя, — если не смог уберечь свою женщину и наследника! Кровь твоей крови, плоть твоей плоти!». Он бросил взгляд на сопровождающих его ит'хор. Вот уж кто был спокойнее камня. Хотя и это напускное. Почти у каждого из них остались семьи в Асквароне, взятом врагами при помощи магии сид'дхов. И так у всех. «О, боги! За что караете?! И даже ваше молчание горше, чем были бы ваши ответы!»

— Милорд, с Вами все в порядке? — тут же подъехал к нему молодой сотник, командир его телохранителей.

— Все хорошо, Тирслин, — вспомнил он имя ит'хора. — Просто задумался.

Удовлетворенный ответом сотник подал коня в сторону, и император еще раз взглянул на своё войско. С флангов гролл'харт прикрывали сотни Сангот. Дальше, справа — Первый и Второй легионы, слева — Шестой и Девятый. Всех лучников и магов вывели на стены. Всё равно наступать было некуда. За спинами легионов и клановых бойцов стояли шеренги ополченцев. Они состояли из спутников и воинов легионов, чьи подразделения были разбиты, а командиры не пережили отступления.

Проезжая мимо рядов закованных в железо воинов гролл'харт, император невольно позавидовал их спокойствию. Они стояли, спокойно опершись, кто на щит, кто на копье, с достоинством приветствуя своего повелителя. Гистарп грасс Януат пытливо заглядывал в глаза воинов, ожидая увидеть осуждение, ярость, может, даже презрение, но ничего, кроме бесконечной уверенности и преданности не нашёл. Он соскочил с коня и животное тут же увели в крепость. Следом за ним спешили и все ит'хор, занимая позицию сразу за копейщиками.

Император отказался сегодня, несмотря на все увещания советников, одеть шлем, и золотой обод на его голове даже в сумерках сиял ярче солнца. Руки его в кольчужных перчатках легли на крестовину огромного фламберга, оружия достойного, чтобы им сражался повелитель целого народа. Едва он соскочил с лошади, как с двух сторон его буквально подперли советники — Ителл и Моргенз:

— Они в часе ходьбы отсюда, повелитель, — доложил Ителл, так же опираясь на свою секиру.

— Отлично! Всё как мы и предполагали, трубите боевую готовность!

И вот чистые голоса легионерских рожков полетели над головами стоящих воинов. За стенами так же запели горны, будто перекликаясь, будто говоря — «мы тоже готовы, мы не отступим!». Где-то там, на стенах города маги раскладывают ингредиенты, свои странные приборы, рисуют тайные знаки, в помощь своим воинам. Мальчишки-разносчики раздавали лучникам пуки стрел. Ополченцы складывали у стен груды камней, чтобы метать их, когда враг полезет на стены.

Город готовился к битве. Последней битве...

Казалось, час пролетел, как единый миг! И вот уже вдали появляется облако пыли, поднятое десятками тысяч ног, идущих по их земле. К их дому. И остановить их некому... а враги всё прибывали и прибывали, словно полчища чёрных муравьев, покрывая землю от края до края.

— Стоять насмерть! — вздев свой фламберг, словно укор небесам, вскричал император. И воины ответили ему дружным рёвом, который перерос в шторм эмоций и бушевал под стенами Нуархата, готовясь стать бурей боли, смерти и ярости! Со стен города им вторили столь же яростно. И вот, войска «последышей», прямо с марша устремляются в битву. Неизвестный полководец отправляет в бой лучников-галов, нарушив привычный порядок битвы. И вот уже смертоносный дождь стрел направлен в сторону Нуархата, завывая в воздухе, словно стая демонов. Это придумка галов — прикреплять к стреле свистульку, издававшую в воздухе визг обезумевшей кошки.

— Поднять щиты! — Понеслись со всех сторон команды декасторов. Одним слитным движением легионеры вздели щиты над головами, и войско со стен стало казаться закованной в сталь черепахой. Ополченцы замешкались, поэтому первый залп нанес ущерб в основном задним рядам. А был и второй, и третий. Наконец-то маги пришли в чувство, и над центром войска прямо из воздуха стали появляться мыльные пузыри. Пролетая сквозь них, стрелы противника опадали на землю, словно цветочные лепестки.

Сделав еще пару залпов, галы отошли, расчищая дорогу набирающей скорость коннице. И в атаку двинулись кентавры. С первых же шагов, набирая бешеную скорость, катящийся вал из копыт стал приближаться к позициям вампиров. Видимо, маги на стенах приготовили какое-то зубодробительное заклинание. Потому что в дело вступили сид'дхи. Над полем пронесся порыв ветра, и в небе стали расцветать тысячи огненных цветов.

«— Это надолго», — произнес стоявший справа от императора Моргенз грасс Ит'хор. — Они сдерживают магию друг друга, так что от наших магов серьезной поддержки мы не дождемся.

Тем временем волны кентавров приблизились на расстояние броска, и в воздух взвилась туча дротиков. Кентавры сделали еще один бросок и, выхватывая на ходу мечи, врезались в оборонявшихся. Но первая линия, сплошь состоящая из воинов гролл'харт, наконец, показала, на что способны их длинные копыта! Засиявшие магическим жёлтым светом, так характерным для магии гролл'харт, копыта, казалось, обрели свою собственную жизнь. Вонзаясь в крепкие тела кентавров, наконечники буквально разрывали их надвое, извиваясь, подобно змеям, самостоятельно выбирающим жертву. В нескольких местах оборона была прорвана, но и эти прорывы были жестко подавлены.

В это время со стен наконец-таки ударили стрелы, и кентавры, окончательно смешав

ряды, стали отступать. Но чья та воля вновь вернула их в бой, бросая на ошестинившихся копьями вампиров. А тем временем основная масса войск «последышей» шагнула вперед, и земля вздрогнула, словно предчувствуя неизбежное.

— Их где-то раз в шесть больше, чем нас, — прокричал на ухо императору Ителл грасс Сангот, но ответ повелителя вампиров заглушил вой стрел. Лучники с обеих сторон не жалели стрел, опустошая колчаны с пугающей скоростью.

— Теперь это не имеет значения, — прорычал в ответ Гистарп грасс Януат, сжимая рукоять меча. — Пусть хоть в двадцать раз больше, я вопьюсь в глотку каждому. До кого смогу дотянуться. Он хотел сказать что-то еще, но махнул рукой и в сопровождении ит'хор бросился вперед. Войска сближались. Люди охватывали меньшую армию полукольцом, собираясь прижать к стенам и раздавить одним ударом.

По сигналу горна, сдерживающие натиск кентавров гролл'харт сделали шаг вперед, и копья рванулись так, словно сорвавшиеся с цепей злобные псы.

Еще шаг. И еще.

Наконец, кентавры не выдержали и стали отступать, нарушая стройные ряды наступающих:

— Вылазку! — проревел Ителл грасс Сангот и в образовавшиеся разрывы рванули сотни ит'хор.

В тесноте общей схватки воины клана не использовали оружия. Они сами были оружием. Пальцы каждого ит'хор оканчивались длинными загнутыми когтями, сочащимися фиолетовым пламенем. И не было преграды, способной удержать их. Магические когти, не встречая сопротивления, резали всё — железные доспехи, плоть, вареную кожу. Вот вампир вскакивает на спину кентавра, и одним взмахом снес ему голову, с наслаждением ловит ртом горячие капли крови, но уже в следующее мгновение вновь врывается в гущу противника. Залитый еще дымящейся кровью, с горящими глазами и рвущимся изо рта рыком, воин ит'хор напоминает вырвавшегося из Бездны демона. Его черты напоминают чудовищную маску, и когда он бросается к следующему кентавру, тот, в ужасе перебирая четырьмя ногами, начинает пятиться, закрывая лицо руками, выпустив из них своё оружие.

Стрелы летели дождем, скрывая и без того едва видимое солнце. И если убить стрелой вампира было проблематично, то люди, галы и кентавры гибли сотнями, не достигнув ошестинившейся шеренги вампиров. Разноцветные переливы в небе над полем битвы свидетельствовали о непрекращающейся магической войне на совсем иных уровнях, лишая свои войска поддержки магии. Но нет-нет, да и проскальзывала иногда в трещину обороны молния, или огненный шар, собирая причитающуюся дань боевой магии.

Наконец, когда основная масса людей преодолела простреливаемый участок и сшиблась с первыми рядами вампиров, град стрел прекратился. Лучники на стенах теперь стреляли выборочно, выцеливая противника, чтобы не попасть в своих. Без массивной стрельбы из луков, противостоя многочисленному противнику, без магов, казалось, вампиров должны были уже размазать по земле! Но они держались. Железная стена щитов, по-первости прогнувшаяся, снова выравнивалась, удерживая человеческий наплыв.

Император видел, как к «последышам» подходят пополнения из галов, которые нанесут такой урон его армии, что хоть сейчас сдавайся:

— Прикройте меня! — крикнул Гистарп грасс Януат своим телохранителям, стараясь перекричать шум битвы. Воткнув фламберг в землю, император оперся на него, словно просил о помощи. Губы его шептали слова заклинания, которого не произносили на Зидии

веками. Выхватив из ножен ритуальный кинжал, он полоснул себя по предплечью. И когда тяжелые рубиновые капли, словно выпущенные из неволи звери, ринулись на свободу, он махнул рукой в направлении противника. Вопреки ожиданиям, капли не упали на землю, а продолжая лететь, превращались в кровавых червей. Эти порождения магии Крови, вытягиваясь в длину, оплетали воинов противника и, разделяясь на десятки меньших «червей», настигали всё новые и новые жертвы. Любая живая материя, которой коснулись эти порождения магии, тут же съеживалась, усыхала и облетала осенним листопадом, оставляя обглоданные костяки. С каждой жертвой количество «червей» увеличивалось, и под стенами Нуархат прокатился тысячеголосый стон. Сейчас, вероятно, все маги сид'дхов пытались что-либо противопоставить этой опасности, так как мерцание над полем стало гаснуть. И в тот же миг объединенная мощь вампирских магов косою прошлась по людским порядкам, словно смерть, собирающая очередной урожай. Каждая секунда стоила нападавшим сотен жизней и, в конце концов, видимо почуяв те силы, которые собрались оборвать жизнь заклинателя, император прервал заклинания. И тут же кулем повалился на руки своей охране:

— Как им мой «Могильный червь»? — спросил он в пустоту.

— Выше всяческих похвал, Ваше величество, — торопливо произнес Тирслин, так же впечатленный мощью магии своего повелителя. — Скорее приведите спутника императору, — тут же бросил он своим воинам. И вскоре сквозь ряды закованных в сталь воинов провели молоденькую девушку в одежде придворной фрейлины. Опустившись на колени пред своим владыкой, она откинула копну огненно-рыжих волос, демонстрируя молочную белизну шеи.

— Руку, — прохрипел император. Удивлённо вскинув брови, девушка-спутник протянула руку с тонким, словно игрушечным запястьем, по которому голубыми ручейками вились вены. Жадно припав к этому источнику энергии, Гистарп чувствовал, как силы вновь наполняют его измученное тело. Наконец, отбросив руку спутника, император вскочил и требовательно протянул руку Тирслину, держащему, как драгоценную реликвию, его фламберг:

— Вперед! Вперед, Дети Ночи! — проревел он, врубаясь в свалку.

Казалось, сегодня ярость обрела собственное телесное воплощение, столь явственной стала она. Если бы кто-нибудь из сражавшихся у стен Нуархат мог бы оглядеться в пылу битвы, он бы заметил красноволосую девушку в платье цвета крови, чьи руки толкали воинов вперед. В самую гущу смертельной карусели! Прекрасное лицо искажено гневом, что делает воина нечувствительным к боли, страху смерти, потере друзей и близких. Она, словно баньши, выкрикивала литании ненависти и презрения. И в эту свалку врубился император, словно островок, вокруг которого стал собираться кулак из клановых бойцов. И люди дрогнули! Сначала один, затем десяток и, наконец, сотня! За ними отступали галы и кентавры. Гистарп грасс Януат, хотел уже броситься вдогонку, но железная рука Владыки Моргенза остановила этот порыв:

— Смотри, — просто сказал он, указывая куда-то вдаль. И сбросив пелену безрассудной ярости, император окинул взглядом поле битвы. Люди отступали, но делали это слишком организованно. Что вызывало опасения. И тут он заметил это.

В центре поля, на освобожденном пространстве, всё еще усеянном трупами и ранеными, стал появляться густой белёсый туман, расплывшийся, словно жидкий песок сквозь пальцы. В тумане кто-то шевелился, будто огромный спрут на дне океана.

Подчиняясь командам своих командиров, войско вампиров остановилось. А из тумана, повинувшись чьей-то команде, выскочили твари, которых мир Зидии еще не видел. Ростом под три сажени, больше всего они напоминали страшно ссохшихся людей, только с несоразмерно длинными руками, каждый отвратительный палец на которых оканчивался кривым обломанным когтем. Вместо носа провал, а там, где должны были быть глаза, плескались океаны тьмы. Вот одна из тварей завывала, запрокинув уродливую морду к сумеречному небу, и вся стая бросилась вперед.

Один из воинов гролл'харт кинулся ей наперерез, замахиваясь копьем. Магическое оружие с легкостью погрузилось в живот вставшей на дыбы бестии, но тварь, мерзко хохотнув, вырвала копье из рук воина, и переломило её, как тростинку. Из глубокой раны не вытекло ни капли крови. Растерявшийся воин был схвачен и тут же разорван пополам. Снова издав свой мерзкий хохот, тварь бросила останки воина в ряды вампиров и медленно, словно наслаждаясь предстоящей бойней, двинулась вперед, ведя за собой своё племя.

Вонзающиеся в их тела стрелы не приносили им никакого беспокойства, оставаясь торчать, словно в насмешку над лучниками. В лапах чудищ появились палицы, светившиеся столь же мерзким нездоровым светом. Прохрипев что-то на своем языке, вожак указал на отступающих вампиров и твари, разражаясь мерзким хохотом, бросились вперед. За несколько мгновений чудища протоптали в рядах отступавших целые просеки. Дубинки, больше похожие на обглоданные берцовые кости огромных великанов, разбивали щиты, выбивая дух у двух-трех воинов за раз. Кто-то из магов бросил в них заклинание, но оно, словно вода, стекло с их шкур, не причинив никакого вреда.

Видя это люди, воодушевлённые такой мощью новых союзников, бросились вперед. Их боевые кличи зазвучали с новой силой. Но навстречу накатывающемуся валу шла одинокая фигура, в вычурно украшенных доспехах, держа на плече фламберг. Он на миг обернулся, обведя взглядом своё ошетилившееся войско, будто искал кого-то и, не найдя, вновь обернулся к врагам. Его губы шептали что-то, а взгляд был прикован к своему мечу так, словно в мире не было ничего столь интересного. Тем временем по мечу побежали искры тёмного пламени, клинок словно наливался светом изнутри. И тогда Гистарп грасс Януат изо всех сил воткнул клинок в землю у своих ног, выкрикивая последние слова магической формулы.

Всем в тот миг показалось, что небесный гром ударил из-под земли, так вздрогнула она. На несколько сотен метров вокруг все попадали с ног. Стоять продолжали только твари, но первая же, попытавшаяся сделать шаг, не смогла оторвать лапу от земли, а случайная стрела, вонзившаяся в еще одну товарку, исторгли из её пасти истошный рёв боли.

— Их можно убить, — раздался чей-то неуверенный голос, но его тут же подхватили десятки плоток, и волна взбешённых вампиров бросилась вперед, за считанные мгновения, изрубив неведомых чудищ в мелкую крошку. Но, в тот миг, когда последняя из тварей испустила дух, император Ночной империи — Гистарп грасс Януат, рухнул вперед лицом, чтобы уже никогда не подняться. Когда к нему подбежал Моргенз грасс Ит'хор, император был мертв, но, на странно спокойном лице застыла улыбка.

— О, Боги, — прошептал Ителл. — Всё кончено!

Слишком многие видели гибель своего повелителя, и это не могло не сказаться на боевом духе армии. В то время, когда копья оставшихся в живых гролл'харт закончили начатое лучниками, левый фланг был прорван и в образовавшуюся брешь пробивались все новые и новые отряды противника. Пусть даже размен шёл один к трем-четырем,

предводители объединенного войска могли себе это позволить. Да и еще маги сид'дхов, которые, видимо, придержали не по одному козырю в рукавах. Так что на позиции вампиров сейчас сыпались серые ветвистые молнии, зажаривая воинов прямо в доспехах десятками. Никакая защита не спасала.

— В город, — проревел грасс Сангот! — Отступайте все в город!

Первыми, потеряв боевые порядки за крепостные стены ринулись ополченцы, но к воротам подоспел грасс Моргенз и его громогласный рык призвал их к спокойствию и дисциплинированности. Легионы, истекая кровью, сдерживали натиск людей. Каждую секунду падал кто-нибудь из вампиров, но задачу свою они сделали — ополченцы успели войти в город. Владыка Моргенз видел, как вылетевшая из-за спин людей молния поразила его старого друга, и он молча, словно подрубленный дуб рухнул, так и не выпустив из рук свою секиру.

Тем временем остатки Шестого и Девятого легионов с сангот и ит'хор, собрав последние силы, отбросили врага. Из восьми сотен ит'хор в живых осталось меньше сотни. Чуть больше было сангот, гролл'харт погибли почти все. Смерть, царившая сегодня под стенами Нуархат, давала Владыке хороший шанс, чтобы исполнить задуманное. Гистарп грасс Януат подал своей смертью блестящий пример, как должно уходить в вечность!

Сотня ит'хор по-прежнему охраняла ворота. А со стен все так же летели стрелы и чуть реже молнии и другие боевые заклинания, хотя и не так часто, как хотелось бы Моргензу. Он жестом подозвал двух молодых ит'хор:

— Мне нужны двое. Живыми! И очень быстро.

Кивнув воины врубались в свалку и Владыка с гордостью смотрел как две фурии, с истекающими фиолетовым огнем когтями устроили кровавую бурю и вырвались из неё, волоча обещанное своему Владыке.

Очередной натиск «последышей» отбросил вампиров к самым воротам, а это значило, что время вышло. Готовая заранее словоформа требовала лишь канала выхода энергии, для которого и потребовалось жертвоприношение. И в тот миг, когда когти Владыки вскрыли глотки, бьющихся в руках его воинов мелкая дрожь прошла по его телу, и словно найдя выход, устремилась в ручьи тёкшей на землю крови. Сид'дхи что-то почуяли, так как в их сторону полетело сразу несколько огненных шаров и еще какая-то мерзость. Но было поздно. Подхватив своего Владыку, ит'хор бросились в город, а за их спинами вся кровь, пролитая в сегодняшней битве, тонкими ручейками стекалась в одно место, сливаясь в некую гротескную фигуру напоминающую огромный рот.

— Закрывайте ворота, — прохрипел Моргенз, перед тем как потерять сознание. — Людишкам сейчас будет не до нас.

Тем временем, кровавый шар, окончательно сформировавшись в огромные пухлые губы, плотоядно облизнулся и медленно, словно нехотя полетел к людскому войску. Первыми на его пути оказались отважные кентавры, закидавшие рот дротиками. Но, огромный исходящий слюной язык слизнул все воткнувшиеся в губы орудия убийства и, рот усмехнувшись, быстро метнулся вперед, проглотив несколько наиболее медлительных всадников. Их крики, помноженные на хруст костей и скрип перемальывающихся доспехов, произвели должный эффект. Наступавшие шарахнулись в стороны, но рот медленно преследовал их, собирая обильную жатву.

Получившие нежданную передышку остатки легионов и кланов втянулись в город. Обессиленные воины падали там же где и стояли, а к ним уже бежали спутники и лекари,

одни несли лекарства другие кровь. А за воротами тем временем творилось, что-то поистине небывалое — крики умирающих казалось, сотрясали земную твердь. Войска союзников потеряв всякую дисциплину, разбегалось в разные стороны. Их командиры бежали вместе с ними. Так продолжаться могло до бесконечности, так как произнесенное Моргензом заклинание подпитывало само себя. И пока есть пища, оно будет действовать. И когда в бегство обратились и маги сид'дхов, у кого-то из богов не выдержали нервы. В чистом небе внезапно раздался раскат грома, и в рот-людоед ударила золотая молния. С противным чавкающим звуком рот лопнул, расплескав по всему полю дымящуюся кровь и непереваренные внутренности сожженных им сегодня. В тот же миг из тела Моргенза, словно вынули все кости, и он повалился навзничь. Каждая пора его тела кровоточила, судороги сводили, казалось, каждую мышцу, заставляя биться в безумном танце.

Сколько это продолжалось — он не мог сказать, погрузившись с головой в агонию, оплачивая, таким образом, стоимость колдовства. Но, он готов был заплатить и эту цену и любую другую, лишь бы спасти свой народ.

— Эй, солдат, тащи сюда своего друга, — раздался над ним чей-то голос. Дверь ближайшего дома была распахнута, и на пороге стоял невысокий, пухлый спутник в добротной одежде цехового мастера, поверх которой был одет кожаный фартук в подозрительных разводах. Близоруко шурясь, он снова махнул рукой. — Тащи же его сюда, я помогу ему, солдат.

Наконец, ит'хор, что находился рядом с ним и чьего имени он не знал, волоком дотащил своего Владыку до порога, где ему помог вызвавшийся помочь. Внутри дома висели пучки сушеных трав, на огромном столе, заставленном колбами, ретортами и мензурками что-то кипело и бурлило. Уложив Владыку на узкую лежанку, воин устало сполз по стенке, будто разом лишился всех сил. Хозяин, что-то бормоча себе под нос, носился по своему дому, собирая травы и какие-то микстуры выставляя их на своем рабочем столе.

— Я, Муниций Павет, господин, травник. Вы знаете причину происшедшего с вашим другом?!

— Это не мой друг, мастер Павет. Это Владыка клана. Он только что сотворил жуткую магию и кажется это, её цена.

— Вам тоже стоит отдохнуть мой друг, — голос лекаря неожиданно стал обволакивающим, давящим к земле и сопротивляться неожиданной сонной неге не было сил. — Ты и так проявил сегодня чудеса храбрости, отдохни.

Как только глаза уставшего воина закрылись, травник, словно преобразился — стал выше ростом, шире в плечах, во всех движениях сквозила скрытая мощь. Но, особенно изменились глаза — с бледно-голубых, подслеповато шурящихся, они стали золотыми. Смешав травы и эликсиры в чашке, «травник», заботливо придерживая голову, Владыка влил ему в горло получившуюся жидкость. Тело Моргенза выгнуло дугой, из распахнутого в беззвучном крике рта, не вырвалось ни звука. Словно утопленник, вырвавшийся из объятий смерти, он сделал вдох. Широко распахнутыми глазами он взглянул на сидевшего рядом:

— К-кто ты?!

— Я — травник, Муниций Павет.

— Что с городом?

— Еще держится. Молодым расам не до него, после того что ты устроил. До сих пор в толк не могу взять, где ты прочел это заклятие?

— Мне нужно идти, — попытался встать Моргенз, но «травник» легким нажатием

ладони опустил его обратно на лавку.

— Тебе нужно принять еще несколько эликсиров, сын мой, — сильным, глубоким голосом произнес Муниций Павет и только сейчас Моргенз догадался посмотреть ему в глаза. Увиденное напугало его больше, чем армия «последышей» у ворот столицы.

— Кто ты?!

— Я — Дарон.

— Дай угадаю, — Моргенз приподнялся на локтях, — пришел посмотреть на своих сыновей в последний их миг на Зидии. Какой же ты после этого Бог?! Ты, ты... — он не находил слов и задохнувшись в приступе гнева, откинулся на лавку.

— Ты в праве ненавидеть нас, — опустил глаза Муниций — Дарон, — но нас заставили покинуть Зидию, Моргенз грасс Ит'хор. Мы точно также проиграли свою битву. Аталия уже ушла. Но я не мог покинуть это мир, не взглянув в последний раз на своих любимых детей. Особенно с теми, чье заклятие заставило вмешаться даже наших врагов.

— Каких врагов?

— Мы не знаем их имен, сын мой! Но сила их велика.

— Но откуда они взялись в нашем мире, повелитель?

— Нет времени объяснять, у меня очень мало времени. Но я хочу в последний раз помочь своим детям. Соберись и слушай меня внимательно: нас лишили сил, но на последнее волшебство, перед уходом, меня еще хватит. Как только ты выпьешь эти несколько микстур, — Дарон кивнул на стол травника, — я сотворю заклинание Вечной ночи и Нуархат с окрестностями погрузится во мрак. Вы сможете в нем видеть и воспользоваться подземными ходами. Рассейтесь по Зидии. Станьте тенями, ужасом в тенях, но, прошу вас, не прекращайте в нас верить. Даже крупица вашей веры сможет открыть нам путь обратно на Зидию. И останьтесь в живых.

Дарон взмахнул рукой, словно в прощальном взмахе и на Моргенза, удивлённо хлопая ресницами, уставился травник:

— Ох, что это со мной?! Видно, перенапрягся, — потерянно бормотал он, продолжая перебирать травы. — Вот, выпейте, — он протянул оставленные Дароном микстуры. Молча подчинившись и осушив одним глотком предложенное зелье, Моргенз поднялся и направился к дверям:

— Мастер Павет, будьте готовы через некоторое время покинуть город, — произнес он, но видя, что добрый травник его не понимает, уточнил, — сейчас на город опустится мгла и под её благословенным пологом, мы покинем Нуархат. Я хочу, чтобы Вы выжили, мастер. Договорились?

— Я...не знаю, Владыка, — сглотнув, произнес травник, — Стоит ли мне ударяться в бега? Я не воин, не молод и вряд ли выдержу долгий путь. Да и пожил я уж изрядно, пора бы и на покой. Встречу смерть в привычной обстановке.

Не находя слов, Моргенз склонился в поклоне, чего не делал ни перед кем, кроме императора:

— Да примут душу твою темные боги, мастер Павет. «Я помолюсь о тебе», — произнес грасс Ит'хор и покинул дом травника.

Как и предсказал Дарон, едва Моргенз покинул дом травника, на Нуархат опустилась крошечная мгла. И снова над столицей полетел стон, но Владыка его не слышал, он несся к Царским воротам, где оборонялись остатки его клана.

— Уходим от ворот! — крикнул он во всю мощь своих легких, едва увидел ряды ит'хор.

— Владыка!

— Живой...

— Слава Богам...

На ходу объяснив, в чем дело, Моргенз вызвал оставшихся легионерских букканьеров, и через несколько минут над Нуархатом пронесся звук горнов, призывающих сражавшихся воинов выходить из битвы и отступать к лагерю. В этом случае все должны были собраться у императорского дворца. План, который в последнюю ночь обсуждали на совете и заключался в том, что пока идет сражение, старейшины, дворцовые стражи и доверенные Владык, выводят жителей через подземные ходы, ведущие к лесам темных эльфов, которых вампиры считали почти родственниками. Поэтому сейчас в городе почти никого не осталось. Все, кто хотел выжить, покинули обреченную столицу. Остались только воины, но и они готовились уйти.

Стоя перед одним из входов в подземелье, Моргенз наблюдал за своими людьми, исчезающими в темноте прохода. Где-то там, наверху, озадаченные происшедшим «последыши», наверное, уже крались к стенам города. Каково же будет их удивление, когда в них со стен не полетят стрелы и молнии, а за рухнувшими воротами их не встретят подготовившиеся к смерти вампиры. Это победа, но у неё привкус поражения. Эта мысль вызвала улыбку на осунувшемся лице Моргенза грасс Ит'хора и он, спустившись по ступеням на несколько пролетов под землю, произнес совсем простенькое заклинание. Где-то там искорки магического пламени подожгли вымоченные в масле фитили, вставленные в бочки с горючим камнем. Последний подарок уходящей расы.

— Мы восстанем снова, — шепнул он, когда серия взрывов сотрясла подземелье.

Глава 3

Город Хвандар располагался в долине, сразу у подножия отрога Улдан-Гхаш. Отсюда, почти с вершины горы, он казался игрушечным. Паола оперлась о ствол невысокой скальной сосны, настолько искривлённый, что казалось, природа не могла придумать такого нарочно. Однако, чешуйки коры, осыпавшиеся от прикосновения, говорили об обратном. Дерево было живым, и если она хотела оставаться таковой же, требовалось двигаться. Солнце, миновав полуденную черту, теперь светило ей в спину. Но сил для преодоления перевала потребовалось больше, чем она могла представить, и Паола, с трудом переведя дыхание, сделала первый шаг.

Несколько часов назад она почуяла чьё-то невидимое присутствие, и с тех пор ощущение преследования её не покидало. То, что она не могла увидеть преследователя своим улучшенным зрением, наводило на мысль о магическом происхождении угрозы. Она слышала разные страшные истории от погонщиков скота на той стороне перевала, но сочла это людскими байками, не стоящими внимания. Но, как оказалось, зря. Кто бы ни преследовал её, маскировался он мастерски и с каждым часом подкрадывался ближе. Шорохи, стук скатившихся камней и смех. Тихий злобный смех, на грани слуха. Невидимая тварь играла с ней, и не напала лишь потому, что чуяла необычную природу своей жертвы. Паола видела кости не столь везучих смельчаков, рискнувших пройти перевал в одиночку. И то, как они были расколоты, пробирало её до мурашек. А таких вещей на Зидии было немного. По крайней мере, она их еще не встречала. До сегодняшнего дня.

Она скинула тяжелый меховой капюшон своей куртки, чтобы лучше слышать и, оттолкнувшись от сосны, зашагала вниз по едва различимой тропе. Её сабля была увязана с другими вещами в висящем за плечами рюкзаке, что, видимо, вызывало у охотника

нездоровое желание сделать всё быстро. Паола даже сняла закрывающую глаза костяную пластинку, с тонкой прорезью для глаз, подаренную ей старым проводником. Без нее на вершине хребта Паола просто бы ослепла. Незаметно она приготовилась дать отпор и, наконец, превратиться из жертвы в охотника, кем она и являлась, по воле Тёмных богов.

Снова шорох. Сейчас совсем близко — шагов двадцать — двадцать пять. Паола хотела уже призвать Когти, но решила выждать, вдруг неизвестный охотник почувствует магию и скроется. Через полсотни шагов она уже чувствовала почти невесомое дыхание, будто неизвестный хотел броситься ей на плечи навверняка, уже наигравшись, и теперь упиваясь скорой агонией жертвы. Паола сделала еще с десяток шагов по скользким камням, стараясь не оставаться в удлинившихся тенях и, резко развернувшись, наконец, встретила взглядом со своим преследователем.

Красный туман, плескавшийся в глазницах едва обтянутого кожей черепа, окаймлённого остатками волос, навел жуть. Тело, с непомерно широкими плечами, принадлежало какому-то примату. Тварь, из чьей пасти уже стекала отвратного вида слюна, издала мерзкий смешок, уже слышанный Паолой, и выпустила когти. Спутник смерти — так называли эту тварь в давние времена, когда маги вампиров экспериментировали с мёртвой плотью, создавая себе охранников для дальних путешествий за пределами благословенных сумерек Империи. Сколько времени слонялся этот осколок былой мощи в этих горах или пробудился от магического сна недавно, разбуженный каким-нибудь глупцом. Что было особенно неприятно, так это тот факт, что вампиры древности не смогли приручить эту тварь, норовившую разорвать своих создателей при первом же удобном случае. Поэтому, по большей части сами же их и истребили. Уму непостижимо, как этот уцелел, да еще и протянул почти тысячелетие.

Однако уродца эти вопросы не волновали, издав неприятный приглушенный рык, он бросился на свою жертву. Паоле пришлось вложить в рывок все силы, чтобы уйти с линии атаки. Промахнувшись, тварь едва не рухнула в пропасть, лишь в последний момент извернулась, оставив на камнях глубокие царапины. Когда же спутник смерти оказался на одном уровне с вампиршей, она успела его рассмотреть. Ростом выше её и, соответственно, тяжелее. Длинные лапы оканчивались изогнутыми чёрными когтями, словно кошачьими. Он бросился на Паолу, и она снова увернулась в последний миг, избежав встречи с его костедробильными объятьями. Ей стала ясна тактика горного убийцы — прижать, обездвижить, используя разницу в весе, и рвать жертву когтями, попутно ломая ей кости:

— Нет, дружок, — прошептала она, — такой радости я тебе сегодня не доставлю.

Призванные Когти осветили тропу фиолетовым светом, вызвав у противника странный мяукающий крик. Но замешательство его было кратким, и вот уже он снова летит на неё, оставляя на камнях глубокие царапины. Паола, припав к земле, пропустила над собой рассекающую воздух лапу и, резко вскочив, оказалась за плечом противника. Когти пропели короткую песнь и, почти не встретив сопротивления, отсекли конечность чудовища в плече. Крик боли резанул по ушам, но Паола уже заносила руку для нового удара, пока ослеплённый болью зверь метался по тропе, разбрызгивая кровь. Она прыгнула на спину спутнику смерти, вонзая Когти в толстую шею, всем своим весом давя противника к земле. Магическое оружие почти отсекло омерзительную голову чудовища, но его тело еще пыталось сопротивляться неминуемому концу, содрогаясь с каждой секундой всё меньше. Судороги становились всё слабее, и вот зверь, преследовавший её в горах, наконец, затих, испустив тихий стон.

Паола поднялась на ноги, осматривая свою одежду, которая, не подвергшись повреждению, была сплошь заляпана кровью поверженного чудища:

— Проклятье! — Выругалась Паола, разочарованно качая головой. Кровь спутника смерти страшно смердела, что чувствовалось даже на морозе. Придется тратить на новые вещи, потому как дальше с таким «букетом» ход ей будет заказан.

Она поспешила вниз по тропе, так как ей совсем не улыбалось ночевать под стенами города, в чистом поле. Стража запирала на ночь ворота в целях безопасности, и опоздавшим путникам оставалось лишь одно — ночёвка под открытым небом. Несмотря на то, что холод всегда сопровождал вампиров, привыкнуть к нему Паола так и не смогла.

Быстрым шагом она спустилась на тракт и, обернувшись еще раз, глянула на сахарные шапки Улдан-Гхаша, вновь дивясь его величию. Хотя схватка с чудищем длилась, казалось, секунды, Паола чувствовала, как ноги её дрожат от перенапряжения. А жажда, сдерживаемая силой воли, готова вырваться из-под её контроля. Ей нужна была кровь, ванна и горячее вино со специями. И именно в таком порядке. Поэтому она, не торгуясь, отдала два медных коня стражнику с изрытым оспинами лицом, который похотливо оглядывал её, в то время как его напарник записывал ответы Паолы на стандартные вопросы «кто, куда, зачем?». Она ощущала липкость его мыслей, от которых хотелось отмыться, желательно огромным количеством воды с мыльным корнем.

Наконец, процедура была окончена и Паола спешно устремила на поиски трактира. Солнце, скрывшееся за горами, оставшимся краешком освещало дорогу. Узкие кривые улочки, извиваясь по одному им известному плану, начинали тонуть в глубоких тенях, что неизменно заставляло браться за работу фонарщиков. Звук шагов Паолы становился громче, а людей, попадавших навстречу — всё меньше. Она попыталась остановить прохожего, чтобы узнать дорогу, но мужчина, едва не крича, вырвался и убежал, размахивая руками и что-то невнятно выкрикивая.

— Сумасшедший! — бросила в сердцах вампирша и твердо решила узнать, где находится трактир, прежде чем впиться кому-нибудь в глотку. Внезапно она обратила внимание, что все ставни на окнах домов закрыты, а людей по обыкновению должно быть гораздо больше. Паола насторожилась. Что-то здесь было не так. Возможно, она сразу бы почуяла неладное, если бы жажда не ослепляла её, а борьба с ней не отнимала всё внимание. В тот миг, когда солнце окончательно скрылось за громадой Улдан-Гхаша, город погрузился во мрак. Ни один фонарь так и не был зажжён. Паола, по привычке избегавшая использовать в людских поселениях магию Когтей, достала из мешка тьегу. Ночное зрение давало ей свободу передвижения не зависимо от освещённости, поэтому она продолжила свой путь.

Сначала она почуяла запах. словно кто-то разлил по улице миндальное масло, но за ним скрывался еще один запах — разложения.

— Просто чудесно! — зашипела вампирша. — Просто, d'haenn dan, как расчудесно.

Ей был знаком этот запах, особенно хорошо ей было известно, что последует за ним. Изучая немногие уцелевшие магические книги, она узнала, что часто маги, пытавшиеся получить силу из Источника Мёртвых, становились проводниками в мир Зидии сил, которые еще до Падения назывались — исчадиями. Иногда эти маги становились личами — Королями Мёртвых, повелевающими ордами нежити. Они могли поднимать мёртвых или обращать в себе подобных несчастных, попавших на их пути. Говорят, эти твари питались душами своих жертв, становясь сильнее с каждой поглощенной душой. И горе тем, кто не сумел спастись от их алчного взгляда, такие лишались Посмертия, становясь рабами

пожравшей их твари на веки вечные. Чем сильнее лич, тем больше исчадий мог призвать он себе на помощь, и тем сильнее была его связь с источником Мёртвых.

Паола всерьез стала подумывать, чтобы выйти из города, попросту перемахнув стену, когда запах стал насыщенней, а в конце улицы вспыхнули и погасли два красных глаза. Не прекращая бормотать под нос проклятия, вампирша изготовилась к драке, потихоньку ослабляя поводок контроля над жаждой. Она услышала цоканье копыт, и в тот же миг запах стал просто одуряющим.

— Что же ты не бежишь, глупое мясо?! — раздался жутко звучащий голос, словно кто-то провел гвоздём по стеклу. Паола скривилась, но решила дать сначала высказаться «болтуну». — Или мясо решило сопротивляться? Что ж, порадуй Гхаш'жгара, мясо.

Молчание было вознаграждено явлением хозяина мерзкого голоса. Это оказалась человекоподобная тварь, на высоких козлиных ногах, оканчивающихся мощными копытами, которые высекали искры из мостовой. Узкие плечи, на которые было брошено подобие плаща и непомерно длинные руки дополняли портрет. Но венцом этого творения была голова — тонкое лицо, вполне человеческое, несло на себе отпечаток жестокости и порока. Безгубый рот щерился в зверином оскале, демонстрируя вполне, казалось бы, человеческие зубы. Заканчивали описания рога — витые, они загибались на подобие бараньих и казались достаточно прочными, чтобы проломить ими стену.

— Не хочешь поиграть в догонялки, мясо? — добавило в голос издевательской радости исчадие. — Я даже дам тебе фору...

— Себе дай, — оборвала словоизлияния Паола, вбрасывая тьгу в ножны и одним махом призывая Когти. — Посмотрим, какой ты в деле, падальщик.

С последним словом, она ринулась вперёд, пользуясь замешательством «болтуна». Её когти пробороzдили грудь исчадия, и оно завопило так, что Паола второй раз за день едва не оглохла. Раны от её когтей тем временем стали обугливаться и, не прекращавшая визжать, тварь бросилась удирать. Выругавшись, вампирша бросилась следом. Эту мерзость следовало вернуть обратно за грань, откуда она выползла, но еще важнее было узнать о хозяине, выманившем её в этот мир.

Что-что, а бегать тварь умела. Паола нагнала её на площади, когда, не вписавшись в поворот, исчадие врезалось в стену дома и рухнуло, подняв оглушительный шум. Но город ответил на этот кавардак полным безмолвием. Паола рванулась вперёд из последних сил и вонзила Когти в затылок не успевшей подняться твари. Та, наконец, захлебнулась собственным криком и, издав какой-то булькающий клёкот, осела на мостовую. Запах миндаля стал перебиваться запахом горелого мяса, которое теперь с катастрофической скоростью испарялось с костей, превращаясь в мерзко выглядевшую субстанцию. И спустя считанные мгновения только пятно на камнях напоминало о ночном происшествии.

Острый слух вампирши уловил крик, в котором в равной степени смешались боль и ярость. Что-то подсказывало ей, что кричал призвавший исчадие и, если она хотела покончить с этой историей и до утра принять ванну, следовало торопиться. Одним мощным прыжком она взлетела на балкон, выступающий на втором этаже двухэтажного дома, а оттуда перебралась на покрытую черепицей крышу. Приблизительно определив направление, она рванула в ту сторону. Это была знатная гонка! Несколько раз она едва не рухнула вниз, поскользываясь на черепице. Расколотые плитки вместо неё оканчивали свой путь на мостовой громким взрывом, соревнуясь с петардами на празднике середины зимы.

Наконец, она остановилась на покато коньке чьего дома, держась за флюгер. Что

делать дальше? Неизвестный колдун был где-то неподалёку, но возможности его учуять у Паолы не было. И тогда она решилась на отчаянный шаг:

— Эй, ты! Колдун-недоучка! Куда ты спрятался?! Даже твой козлоногий дружок нашёл в себе храбрость высунуть свой нос! Ну, где же ты! Иди сюда, поговорим! Или ты боишься женщины?! А может, ты — евнух?! Ха-ха! Выходи, евнух!

Так продолжалось еще некоторое время, пока чей-то яростный рык и звук расколотого дерева не подсказали Паоле, что цель ею достигнута. Над крышами домов поднялось облако, на котором стоял совсем молодой чернокнижник, но с лицом, перекошенным такой яростью, что вампирша при других обстоятельствах обошла бы его по широкой дуге. В одной руке он держал жезл, другую же направил в сторону Паолы. Почуввав угрозу, она перепрыгнула на другую крышу, и в тот же миг невидимая сила перекрутила флюгер так, словно он был сделан не из железа, а из бумаги. Поняв, что колдуну требуется взять точный прицел, на упреждение он стрелять не мог, Паола вновь сменила крышу под аккомпанемент взрывающейся черепицы. Она снова перепрыгнула, на этот раз чуть ближе к намеченной цели.

Так продолжалось некоторое время — она замирала, давая своему преследователю иллюзию точности, а затем резко меняла позицию, с каждым небольшим шагом оказываясь всё ближе. Наконец, когда их разделяла всего одна крыша, Паола внезапно выхватила тьягу и изо всех сил метнула ее, целясь в грудь колдуна. Не ожидавший такого поворота, чернокнижник отбил летящий в него клинок, но потерял из виду противницу, что в реальном бою грозит только одним — смертью. Через мгновение за его спиной возник размазанный скоростью силуэт, и мелькнувшие когти перечеркнули живот колдуна, а блеснувшие в лунном свете клыки вспороли шею. Он закричал неожиданно тонко и, потеряв контроль над облаком, рухнул вниз. Спустя мгновение рядом с ним приземлилась вампирша:

— Кто дал тебе силу, дурачок? Кто наставил тебя на путь мёртвых, отвечай?

Колдун захрипел, Паола нагнулась ниже, чтобы расслышать, но после произнесённого одного единственного слова у него на губах запузырилась кровь, и он обмяк. На всякий случай, Паола проткнула колдуна когтями и отправилась поднимать верную тьягу, упавшую где-то неподалёку, шепча под нос услышанное слово:

— Повелитель.

Глава 4

Искать посреди ночи трактир в незнакомом городе казалось Паоле целью неблагодарной и даже безумной. Страх, в котором жил город последнее время, сковал языки людей крепче цепей. Видимо, ночной террор давал хорошие результаты, что даже ночные удалыцы носа не казали из-за крепких дверей. Покрутившись по месту недавней схватки, вампирша подобрала отброшенную колдуном тьягу, и тут в голову ей пришла мысль — что неплохо бы отыскать дом чернокнижника. Последнее слово сильно встревожило и в то же время обрадовало её — наконец-то спустя столько лет она наткнулась на след зловещего и таинственного Повелителя.

Если бы колдун был постарше да поопытней, она бы так легко не отделалась. Да он мог вообще не показываться из своего логовища. Паола вспомнила треск, предшествовавший его появлению, значит, где-то что-то сломано. Хотя в той катавасии, что они устроили, найти нужное по такой примете, как разломанная дверь или окно, не представлялось возможным. Паола начала злиться. Ванна, о которой она столько мечтала, казалось, только что показала ей язык, ускользая в туман. Она резко повернулась на каблуках и решительным шагом

направилась к телу убитого чернокнижника. Один взмах сабли и голова покойного покинула уже ненужное тело. Подняв её за волосы, вампирша решительным шагом направилась к ближайшему дому, выбрав тот, что выглядел побогаче. Игнорируя медный молоточек для вызова слуг, она заколотила в двери кулаком.

— Подите прочь, разбойники! — раздался старческий голос. — До утра не терпится, что ли?! Вот спущу собак, будете знать! И так весь город подняли своими игрищами нечестивыми. Не открою!

— Я с добрыми намерениями, милсдарь, — тонким девичьим голоском произнесла Паола. — Отсюда все сбежали, улица пуста, а я... не знаю куда идти. Можете глянуть из окна, я совершенно одна.

В конце своей речи, Паола почти натурально всхлипывала. Её весьма посредственная игра, тем не менее, подействовала — сначала раздались шаги, а затем звук отпираемых многочисленных засовов и цепочек. Наконец, двери приоткрылись, разрезав ночной мрак острым лезвием жёлтого света. В одной руке старик держал кинжал, в другой — фонарь. Паола одним резким движением выбила у него кинжал и, прижав к стене, зажала рот рукой:

— Я ничего не сделаю тебе, старик. Просто не брыкайся и не пытайся вырваться. Я задам пару вопросов и растворюсь в этой беспокойной ночи. Так что, договорились?

Хозяин дома что-то утвердительно промычал, испуганно выпучив глаза, и Паола подняла руку, в которой болталась голова колдуна. Он попытался завизжать, но вампирша была наготове и снова зажала ему рот.

— Я сказала — без фокусов, старик! Мне нужно знать, кто это и где живёт? Всё! Ответишь на вопросы и больше никогда меня не увидишь! Еще раз спрашиваю, говорить будешь?

Старик как-то весь обмяк, словно из него вытащили стержень и вновь утвердительно кивнул головой.

— Просто отлично! Так чья же эта прелестная голова, дед?

— Серый волк тебе дед, — буркнул старик. — Сынок это старший прелата нашего — Удольфа Бергазино. Это с ним ты тут по крышам носилась, что ли?

— Не твоё дело, старик. Не забивай свою седую голову. Где жил этот достойный член общества? Сможешь показать?

— Отчего же не помочь юной деве в её поисках, — ехидным голосом произнёс старик. — Отсюда буквально в двух шагах площадь Буерганно, на ней трёхэтажный особняк. Не ошибёшься, он там один такой.

— А ты не врешь, дед?

— С чего бы, — пожал плечами старик. — Да и ножик мой у тебя. К тому же в городе мало кто его любил. Уж больно странным был.

— Станным?

— Да, можно и так сказать. Всё делишки какие-то мутные. Друзья, что твои висельники, один другого краше. Приходят, уходят. Давно бы им городская магистратура занялась. Да только отца боятся. Его священство не на последних ролях в епископате заседает, с такими не шутят.

— Неплохо, — буркнула себе под нос Паола, отпуская хозяина дома. — Спасибо, что помог, старик.

— Уж лучше — дед, — проворчал старик, закрывая за ночной гостьей дверь.

Нужно было подумать, но Паола была из тех типов личности, что думают на ходу.

Картина пока вырисовывалась туманная, но визит в дом мертвеца мог пролить некоторый свет на происходящее. Идти действительно оказалось не далеко, а площадь была чуть больше пятидесяти локтей в диаметре и окружена, словно частоколом, аккуратными, увитыми плющом двухэтажными домиками сказочного вида. От такой пасторали вампиршу аж перекосило. Но искомое оказалось прямо перед ней и, отбросив архитектурные предубеждения, Паола стремительным шагом направилась к дому.

Массивная дверь из чёрного дуба, усиленная железными полосами. Такую позволить мог себе не каждый, да и мастеровских, делающих двери на заказ в этой части людского государства, не было. Значит, на заказ. Значит, безумно дорого.

— Чего тебе не хватало, дуралей?! — покачала она головой.

Подойдя ближе, Паола не ощутила присутствия кого-нибудь живого в доме и осторожно потянула дверную ручку. Вопреки её ожиданиям, отлично смазанные петли не издали не единого скрипа, открывая то, что должно быть закрытым. «Значит, всё-таки вышел через дверь, — почему-то эта мысль не давала ей покоя». Что-то во всей ситуации было неправильным. Но это что-то пока ускользало от нее.

Внутри дом был обставлен богато, но без кричащей неуместности. Шкуры зверей, картины на стенах, страж, полный доспех тяжеловооруженного пехотинца с башенным щитом, стоял возле лестницы, ведущей на второй этаж. Дальше шла столовая, комната прислуги и кухня. Заглянув в каждую и отметив отсутствие на первом этаже других людей, вампирша, осторожно ступая, стала красться по лестнице. Второй этаж встретил её не менее интересно — чучела животных, картины, теперь к ним добавились еще и статуи, и много дверей. Видимо, это был жилой этаж, где спал хозяин и гости. Не останавливаясь, Паола устремилась на третий этаж, где по её прикидкам должна была оказаться лаборатория или комната для заклинаний. Но, к её негодованию, вход на этаж перегораживала дверь, под стать входной, а ключ, если он и был, остался либо на теле хозяина, либо дверь была закрыта изнутри. Она толкнула дверь. Ничего. Не раздумывая, Паола призвала Когти и одним ударом вырвала замок, после чего ударом ноги распахнула дверь и осторожно вошла в комнату, справедливо полагая, что у колдуна не было времени оставить ей гостинец, в виде какого-нибудь поджаривающего заклинания. И снова её ждал сюрприз. Возле распахнутого окна спиной ко входу стояла высокая фигура в тёмном плаще. Даже после произведённого ею шума она не соизволила повернуться:

— А ты очень шустрая девочка, раз расправилась с Муэро так быстро, — низким, нечеловеческим голосом произнес неизвестный. — Очень жаль, что придется тебя убить, — добавил он, поворачиваясь. И впервые за долгое время по спине Паолы пробежал холодок страха, когда незнакомец скинул капюшон. Нечеловеческое лицо с раскосыми огромными глазами, которые источали зеленое, потустороннее свечение. Высокие скулы, почти безгубый рот, что сейчас растягивался в улыбке, демонстрируя ряды треугольных, как у акулы, зубов. Волосы, заплетённые во множество косичек, собраны в хвост и больше напоминающие скорпионьи хвосты:

— Сид'дх! — Вампирша буквально выплюнула это слово. — Что ты здесь делаешь, мерзкий предатель?!

— Не надо кипятиться, моя дорогая, — от его улыбки несло скрытой агрессией, буквально физически ощутимой. — Мы мило поболтаем, а потом то, что от тебя останется, я выставлю на утреннее солнышко. Представляю, как это должно быть трогательно — встреча старых друзей. Не находишь? — Смех сид'дха мог напугать любое живое существо, столько в

нѐм было жестокой радости от предвкушения убийства.

— Это ты тот Повелитель, о котором мне пропел перед смертью твой ученик? — Паола была в равной степени в гневе и желании броситься на извечного врага, но информация, которой он мог бы «поделиться», стоила больше тысячетлетней мести.

— О, что ты, моя милая! — Сид'дх потешался над ней. — Повелителю нет дела до маленького колдунишки, к тому же, не умеющего хранить секреты.

— Я не твоя, и уж тем более, не милая, — огрызнулась Паола и сделала первый шаг по направлению к древнему врагу её расы, вернее, тех несчастных осколков, что сейчас прячутся по тѐмным закоулкам Зидии. Тяга сама собой оказалась в её руке, вызвав на лице сид'дха лишь улыбку. Она осторожно, маленькими шажками стала красться к нему, но сид'дх шевельнул кистью, и невидимый кулак ударил её в живот, отбросив, словно надоевшую игрушку. Сломав какой-то столик своей спиной, Паола ударилась о стену, при этом верный клинок отлетел в сторону, а дотянуться до него не было никакой возможности. А сид'дх оказался уже рядом. Его тонкая, но невероятно сильная рука схватила её за горло, легко вздёрнув вверх так, что сапоги болтались над полом. Несмотря на весь кошмар происходящего, Паола обратила внимание на кольцо с огромным раухтопазом на безымянном пальце.

— Как ты здесь оказалась, кровососка?! — Разъярённо прорычал он, сжимая её горло стальными пальцами. — Кто подсказал тебе путь в этот занюханый городишко?

После каждого вопроса сид'дх тряс её, как куклу, впечатывая при этом в стену. Судя по всему, он действительно пришѐл в бешенство не от убийства своего ученика, а от того, что столкнулся с вампиршей.

— Мы догадывались, что не все вы сдохли тогда. Кого-то мы поймали сразу, кого-то через десять, сто лет спустя. Но вы, как крысы, забились в самые глубокие норы, чтобы вылезти на свет именно сейчас! Что ты забыла здесь? Отвечай!

Последний вопрос сопровождался особенно сильным рывком и Паола почувствовала, как трещат шейные позвонки. Вампиры могли не дышать долгое время, но у всего был предел, и сейчас Паола подошла к его краю. Зрение уже туманилось, сознание плыло, но тут сид'дх понял, что убивает своего пленника и ослабил хватку.

— Нет, так просто ты не умрѐшь, — засмеялся он. — Прежде расскажешь, где скрываются твои дружки, а затем мы вместе понаблюдаем рассвет.

— П-пошѐл ты, — прохрипела Паола, сделав несколько судорожных вдохов. Смятая гортань медленно начала восстанавливаться. — Я не боюсь тебя.

Сид'дх искренне рассмеялся и, шепнув что-то на своем языке, указал пальцем на скорчившуюся у стены вампиршу. Молния, вылетевшая следом из его руки, обвила Паолу, словно кокон, укутавший гусеницу для перерождения в бабочку. И весь мир обратился в озеро расплавленной боли, в которое бросила её магия сид'дха. Когда же он снял своё заклинание, одежда и волосы вампирши дымились, на руках и лице появились ожоги, которые быстро чернели. Он мог испепелить её сразу, на месте. Но предпочел поиграться, как сытый кот с придавленной мышью.

— Однако, я всё еще не услышал, в какой норе скрываются мои старые друзья, — сид'дх присел рядом с ней на корточки, поднимая за подбородок её голову.

— Поищи в своём нужнике, ainn'ghall ffhej — плюнула ему в лицо Паола. Он улыбнулся и тут же наотмашь ударил её по лицу. — Упѐртая. И мне это нравится, честно. Боюсь, только времени у меня нет, — тут он деланно вздохнул. — Боюсь, и у тебя тоже. Допускаю, что ты

случайно наткнулась на Муэро. Я могу допустить, что и победила его только по воле случая. Но вот чего я никак не могу допустить, так это то, что ты вообще нашла этот город. Так что здесь все случайности обрываются. Еще раз спрашиваю, что ты здесь забыла?! Говори. До восхода остаются считанные минуты, тебе ли не знать.

— Гуляла. — Прохрипела Паола, вытирая с разбитых губ кровь. — Не было у меня здесь никаких дел, предатель.

— Ах, сколько гнева в такой маленькой девочке. — Оскалил зубы сид'дх. — К сожалению, у меня дела. Да и твоё время вышло.

Он снова схватил её и словно мешок потащил в сторону окна. Паола кричала, просила пощады, но видела только кривую ухмылку на его бесстрастном лице. Тогда, покоровшись судьбе, она обмякла, прекратив сопротивление и отстранённо наблюдая за распахнутыми настежь ставнями, за которыми уже всюду наливался золотом край неба. Она успела увидеть нарисованную в углу комнаты сложную пентаграмму, края которой источали точно такое же зелёное свечение, что и глаза сид'дх. Тем временем победитель сжал пальцы на её горле и с легкостью, оторвав от пола, на вытянутой руке выставил в окно, оставив болтать ногами в десятке локтей над мостовой.

— Как я и говорил чуть раньше, маленькая кровососка, пришло время прощаться. Спасибо тебе за доставленное удовольствие снова убивать таких, как ты. Меня прямо ностальгия разобрала, как вспомнил, что мы вытворяли с вашими женщинами и детьми, — сид'дх мечтательно прикрыл глаза. — Эти воспоминания дорогого стоят... а вот и оно, — оборвал он сам себя, — поприветствуй свою смерть, dhaenne.

Солнечные лучи копьями нестерпимого золотого света ударили над крышами Хвандара, подобно тяжелой коннице, разметая лоскуты тьмы. Устремляясь во все закоулки, смывая ночные страхи и треволения у жителей городка.

— Тогда позволь подарить тебе еще одно воспоминание, — прохрипела Паола, призвав Когти и одним взмахом отсекая держащую её руку. Сид'дх завопил, что есть мочи, а Паола, уже приземлившись на мостовой, сорвала с горла цеплявшуюся за неё руку, на которой всё так же блестело кольцо. Стянув его с пальца и сунув в карман, она ураганом бросилась обратно в дом. Перепрыгивая через пять ступеней Паола, наконец, достигла верхнего этажа, но, распахнув двери заклинательной комнаты покойного Муэро, обнаружила, что комната пуста. Пентаграмма, на которую она обратила внимание в течение их «беседы», тихо гасла, зелёный дым становился всё прозрачней и, наконец, совсем иссяк.

— Ушёл, — в сердцах бросила она. — Живучий, гад.

Паола еще раз окинула комнату беглым взглядом, стараясь найти что-нибудь, что смогло бы навести её на сид'дх. В это время с улицы раздались крики многочисленной толпы встревоженных горожан, призывающих стражу и Паола, решив, что ей ни к чему встречаться с добропорядочными слугами закона, устремилась к выходу. Но тут её взгляд всё-таки наткнулся на действительно заслуживающую внимание вещь — книгу в кожаном переплете, лежащую под столом с ингредиентами колдовства. Подхватив находку, Паола устремилась на первый этаж и через дверь для кухонной прислуги покинула «гостеприимный» дом. Уже удаляясь по еще не заполненной людьми улочке, она услышала крики отвращения, когда горожане нашли отрубленную руку, совсем не похожую на человеческую. Перед её внутренним взором, несмотря на все ночные перипетии, вновь маячила ванна.

Глава 5

Отмокая в мыльной воде, Паола перебирала в голове события последних дней. Что-то

было не так. Какая-то деталь не давала ей покоя. Она поморщилась, будто прогоняя тревожные мысли, но отсутствие достойного объяснения случившемуся вызывало злость. Она шевельнулась, и вода в ванне пошла рябью. Глядя на неё Паола решила, что какое-то её действие запустило череду встреч и событий. Оставалось понять — какое?! Протянув руку, она взяла со стоящего рядом стула с вещами трофейное кольцо. Раухтопаз считался камнем чернокнижников и всех, кто связан с магией, так или иначе. Прекрасно ограненный, оправленный в тёмное шайерское серебро, столь же редкое на Зидии, как и сид'дхи, камень словно пытался что-то сказать Паоле. Но она пока не понимала, что именно.

К тому времени, как вода окончательно остыла, Паола приняла решение и, выйдя из ванны, завернувшись в полотенца, долго стояла у зеркала, разглядывая образ, который не изменился за прошедшие столетия. Расторопная служанка принесла ей чистую одежду, пока её собственная проходила очищение мылом и паром. Придирчиво осмотрев разложенные перед ней платья, Паола остановилась на тёмно-синем: с V-образным вырезом на груди, более подчёркивающим все достоинства, чем скрывающим, длинными широкими рукавами и утягивающим и без того узкую талию корсетом. Переодевшись с помощью смешливой служанки, часто и с удовольствием заливавшей столь заразительным смехом, что, обычно сдержанная, вампирша не удержалась и всё-таки рассмеялась. После того, как платье было примерено и одобрено, настала очередь обуви. Сапоги Паолы требовали если не замены, то тщательного ремонта, и Фельдия, которая, казалось, знает обо всех в своём городе, тут же вызвалась снести их обувщику. Поэтому в её отсутствие её длинными волосами, сейчас распущенными, занималась другая служанка, на редкость молчаливая, но старательная. И полностью отдавшись во власть гребней, шпилек, ярких лент и заколок, Паола, мысленно вернулась во времена после Падения. Со временем воспоминания тускнели, теряя большую часть красок, их место занимали более яркие или болезненные.

Она родилась много позже, когда клан прятался в горной крепости Ушмет Н'гар и это было, наверное, самое счастливое время. Район этот дик и запущен, сюда редко могли забрести случайные путники. Люди о крепости не знали, и это давало некую искру надежды, что так будет продолжаться еще долго. Но их нашли. Кто? Как? Они так и не поняли тогда. А потом уже было не до того. Крепость обложили днём, когда солнце не оставляло вампирам ни единого шанса. А потом в ход пошла магия сид'дхов. Казалось, что стальные змеи, оцетинившиеся копиями, втискиваются в коридоры крепости, и противостоять им не получится. Но ит'хор вновь напомнили о себе, как о лучших бойцах. Пока Владыка Моргенз и еще несколько магов сдерживали магию предателей, воины под командованием Феодосия устроили настоящую жатву. И коридоры Ушмет Н'гар покраснели от крови «последышей». Пока воины сражались, по тайному коридору, ведущему в небольшую пещеру, скрытую небольшим водопадом, уходили женщины, дети и те, кто не мог сражаться. Проницательный Владыка клана, в глубине души ждавший этого дня, заранее отдал распоряжение укрепить потолочные балки подземного хода, чтобы в подобном случае большая часть клана могла уйти и затаиться в дремучих лесах. И когда воины ит'хор с потерями отступили на нижние уровни крепости, заманивая за собой основные силы карательного отряда, среди них были родители Паолы. Командиры людей, злые из-за понесенных потерь, бросились преследовать разбившихся на маленькие группки вампиров. Заманив основные силы противника в длинный узкий коридор, Владыка обрушил стены. Под завалами осталось достаточное количество смертных солдат, чтобы те, кто их послал, прекратили преследование. Дав тем самым необходимое время, чтобы уйти достаточно далеко и дать передышку и так

потрёпанному клану.

Паола встречала каждого, кто выходил из подземного лаза, но последним вышел Владыка, магией прикрывавший отход и обрушивший заранее ослабленные в некоторых местах балки. Незаметно к ней подошёл Феодосий, весь в крови убитых им людей и, присев на камень, привлёк её к себе:

— Твои родители не вернуться, девочка, — глухим, надтреснутым голосом произнёс он. — Прейс увёл за собой отряд с магом сид'дхов в боковой коридор, а Нэлл, — тут голос старого воина всё-таки сорвался. — Нэлл сцепилась сразу со всем отрядом, когда он погиб. Я не смог её остановить. Прости. Но ты никогда не будешь одна, клянусь. Я буду твоим отцом, если захочешь.

Паола не плакала. Ни тогда, ни после. Не от чёрствости или безразличия. Просто в душе девочки в тот миг разверзлась мертвенная пустота, что ни слёзы, ни что-либо другое не смогли бы её заполнить. Спустя еще несколько лет она узнала, что Феодосий, который к этому времени стал ей ближе всех в клане, был влюблен в её мать. И даже бился с её отцом на поединке за руку и сердце Нэлл грасс Ит'хор. И победил. Но видя, что любовь его безответна, уступил. И больше никогда, ни словом, ни делом, не дал усомниться в своём решении. До того дня. Проходивший мимо Владыка, который всегда пугал её своей отчуждённостью и холодностью, остановился и произнёс слова, которые она запомнила навсегда: «Помни и будь сильной. Не для меня или клана. Для них. Ибо они заплатили высшую цену, которую родители могут заплатить за своего ребёнка. Так стань же достойной их памяти».

Паола не заметила, что молчаливая служанка закончила расчёсывать её волосы и, видя, что госпожа ушла в себя, тихо выскользнула за дверь. Выдохнув и окинув своё отражение в зеркале критическим взглядом, она решила просмотреть доставшуюся ей книгу, пока не вернулась Фельдия. Незачем этой хохотушке видеть в её руках что-то, не вяжущееся с обликом солдата удачи, в котором она предстала перед хозяином трактира этим ранним утром.

На первый взгляд тексты в книге напоминали бессмысленные наборы фраз и символов. И Паола, не будучи магом, сразу перелистнула страницы с магическими выкладками, перейдя к более читаемой части. И тут же насторожилась. Дальнейшие записи велись с помощью шифра, и прочесть их не представлялось возможным без знания ключа. А единственный, кто знал его, лишился головы. Хотя буквы были заменены на непонятные значки в виде треугольников и кружков, цифры оставались цифрами, напоминая амбарную книгу. Словно юнец вёл учёт, сколько и чего, куда и кому. Зачем кому-то вести эти зашифрованные записи. Да еще и владевшему смертельно опасной магией. Было над чем задуматься. Паола решила поразмышлять над этим на досуге, спрятав книгу на самое дно заплечного мешка. Тем временем на лестнице, ведущей к её комнате, раздался цокот Фельдиных башмачков. «Как раз вовремя», — подумала вампирша.

— Госпожа, — с порога защебетала служанка, — Я сейчас у мастера Келна была. Он мне таких ужасов нарасказывал, душа в пятки уходит. Говорит, этой ночью сына прелата нашего порешили.

— Пряма-таки порешили?! — позволила себе высказать сомнения вампирша.

— А то! По крышам десятки тварей каких-то носились, до сих пор там чистильщики черепицу битую собирают. И всё из-за козней Муэро этого. Давно уже слухок ходил, что подлец магией балуется. Да не какой-нибудь, а самой что ни на есть тёмной.

— И что же никто не донёс на этого «достойного» горожанина?

— Донесёшь тут, — фыркнула Фельдия, смешно сморщив нос. — Когда отец его — прелат Бергазино, двери к наместнику ногой открывает. А остальные слуги Единого в рот ему заглядывают. Тут же сам у заплечных дел мастеров и окажешься. За клевету и поклёп на достойного члена городской общины и столпа общества, — служанка, очевидно, воспроизводила чьи-то слова. Но делала это нарочито гнусавым голосом, что, в конце концов, Паола не выдержала и расхохоталась.

— Ну вот, наконец, госпожа улыбается. А то стоило мне только выйти, а Вы уже темнее тучи стоите, — затараторила Фельдия, и, развивая успех, продолжила: — Так что город перекрыт, повсюду стража рыскает, да поверенные Бергазино к людям цепляются. Говорят, отец целую кучу золота пообещал тому, кто укажет на убийцу сына.

— Занятно, — произнесла вампирша. — Так, а с обувью моей что?

— Ох, про обувь-то я и забыла. Простите госпожа, — служанка стала быстро распаковывать внушительную коробку, которую принесла с собой. Поочередно извлекла из неё с видом бродячего фокусника женские туфельки, ботиночки и сапожки.

— Вот. Мастер сказал, что обувка у Вас — отличная. Он только каблук подобьет, да пару набоечек заменит и будет она вам служить дальше. А это пока примерьте, вдруг, что и подойдет. Зря я, что ли, такую красоту через полгорода пёрла.

— Действительно, Фельдия, — проявила солидарность вампирша. — Ты давай, тоже себе что-нибудь подбери. Я оплачу.

— Уф, госпожа, — Фельдия растерялась и не находила слов, лишь беспомощно хлопала ресницами.

— Давай, давай, — подбодрила её Паола, примеряя туфельку с крупным, но невысоким и устойчивым каблуком. Под подолом платья всё равно не видать, а в случае непредвиденной ситуации она не будет напоминать пугало, которое раскачивает шаловливый ветер. Закончив с гардеробом, Паола изъявила желание пообедать в общей зале, чтобы погрузиться в непередаваемую атмосферу сплетен, баек и небылиц. Фельдия, находящаяся в состоянии легкой эйфории, умчалась исполнять пожелание госпожи, а Паола, еще раз оглядев себя в зеркало, спустилась в зал.

Несмотря на ранний час, таверна была заполнена. Фельдия уже накрывала ей столик почти в самом углу, рядом с барной стойкой, за которой стоял сам владелец заведения — мастер Пренто. С неизменным полотенцем и стаканом, который уже должен бы истончиться от тех усилий, что прикладывал трактирщик при его протирании. Он важно кивнул своей новой постоялице, которая, несмотря на раннее утро, с помощью «магии» в виде золотого дублона, убедилась выделить ей лучший номер и согреть ванну. А пока еще заспанные слуги сновали вверх-вниз по лестнице, буравила хозяина взглядом, играя роль опытного наёмника.

Гул голосов на мгновение стих, но зазвучал с новой силой, стоило Паоле опуститься на стул. Перед ней тут же оказался бокал с густым красным вином, лучшим из запасов трактира. И пока готовилась её рыба, Паола оглядывала собравшуюся в таверне публику из-под полуопущенных век. Трое купцов, едущих из Гал'риады, несколько мастеровых с подмастерьями, пара молодчиков, схожих на разбойников и путешественники. Весьма разномастная публика, но все объединены обсуждением последней новости. Поэтому на неё перестали обращать внимание и Паола, убаюканная людскими голосами, едва не задремала.

Её благостное состояние было прервано внезапно изменившейся тональностью уже привычного шума. Вампирша приоткрыла глаза в тот момент, когда в таверну один за другим

входили стражники. С ними шёл человек в ярко-жёлтой одежде жреца Саретиса, сжимавший жезл Золоторогого, больше напоминавший шестопёр. Окинув собравшихся людей горящим взглядом фанатика, жрец дождался всеобщего внимания:

— Сегодня ночью неизвестные убили сына прелата. Именем церкви Саретиса мне поручено разыскать убийцу и представить его на суд. Если кому-нибудь из вас что-то известно, говорите сейчас.

Тон и пылкость, с которой была произнесена эта краткая речь, подняли в душе Паолы волну раздражения. Она уже сталкивалась с боевым крылом культа Золоторогого и оставила после себя мелко покрошенных священников, больше похожих на убийц.

— Здесь собираются большей частью честные люди, сар Тарган, — вступился за своих посетителей мастер Пренто. — Ищите в другом месте.

— Людям свойственно ошибаться, Пренто. А ты всего лишь один из них. Как хорошо ты знаешь своих «гостей», — последнее слово сар Тарган буквально выплюнул. — Ты же не хочешь расстроить прелата, не так ли.

Паола видела, что владелец таверны побледнел. Но упрямо нагнув голову, он сквозь зубы процедил:

— Иди и скажи своему хозяину, что здесь нет убийц. Кроме тебя, — добавил он чуть тише. Но Тарган, видимо, обладал отличным слухом, потому как кровь моментально ударила ему в голову. Он побагровел и, перехватив жезл, зашагал к стойке. Люди спешили убраться с его пути, опрокидывая стулья.

— Никому не позволено обвинять слуг Саретиса в убийствах. Мы несём свет в этот грешный мир, Пренто. Или ты забыл постулаты веры. Мы защищаем ваши никчемные души от извечной Тьмы и ужасов, таящихся в ней.

Но, видимо, для хозяина это было личное:

— Я не видел ужасов Тьмы, сар Тарган, — голос мастера Пренто так же опасно понизился. И руки его уже не протирали стакан, а опустились под стойку. — Зато я видел костры, на которых сгорали неудобные вам. Еще раз говорю, здесь нет преступников. Ищите их в другом месте. И если не заказываете выпивку, то двери за вашими спинами. Хорошего дня!

— Как скажешь, Пренто Ольверди. Но наш маленький спор не окончен. И я молю Саретиса поскорее вернуться к его разрешению.

Взмахнув полами развевающихся одежд, жрец покинул таверну, забрав стражу. Но и после его ухода в зале царил тишина. Люди молча переваривали увиденное, атмосфера липкого страха стала понемногу рассеиваться. Служанки, словно цыплята, облепившие своего хозяина, всё ещё не отходили, словно ища защиты. Он мягко подтолкнул их, шепнув что-то веселое, так как девушки тут же упорхнули, всё ещё неуверенно улыбаясь.

— Это было в высшей степени так же отважно, как и глупо, — прокомментировала Паола. — Но я Вас прекрасно понимаю, мастер. Слуги Саретиса — те ещё ублюдки.

— Может, Вы и правы, госпожа Паола, — он снова протирал стакан, но делал это скорее механически. — Старые счёты, Вы понимаете. Трудно забыть некоторые вещи, как бы давно они не происходили.

— Я Вас понимаю, — Паола пригубила вино, глядя поверх бокала на собеседника. — Но теперь эта тварь вернется, так как Вы дали ему замечательный повод.

Пренто криво усмехнулся и, наконец, достал то, что лежало за его стойкой. Это оказался настоящий имперский моргенштерн. Без единого пятнышка ржавчины, и ремни на рукояти

поменяны недавно. Хоть сейчас в свалку, крушить шлемы и черепа.

— Я всегда, готов госпожа.

— А Вы не так просты, мастер, — засмеялась Паола, и её смех вдруг прорвал плотину напряженности. Сразу со всех сторон обрушилась волна звуков — люди смеялись, говорили и пили. Служанки обнесли всех кружками с пивом.

— За счет заведения, — гаркнул хозяин таверны.

Тем временем, Фельдия принесла рыбу и пока вампирша насыщалась, грациозно управляясь с вилкой и ножом, стояла рядом, посматривая то на своего хозяина, то на двери, словно боясь, что они сейчас распахнутся, и в них войдет сар Тарган. Покончив с едой, Паола засобиравалась в город. Все эти приключения отвлекли её от истинной цели приезда в эту глушь. Поразмыслив, она не стала брать с собой тьгу, да и вообще, ощущение, что она снова выглядит как женщина, а не как какой-то там разведчик эльфов, воодушевляло. Отдав распоряжения по поводу обеда, она вышла на улицу.

Солнце, уже принявшее её за свою, ласково окатило тёплыми лучами. Минуту понежась в его лучах, она двинулась в сторону Рыночной площади. Разговорчивая Фельдия предоставила её всю нужную информацию. Паола прошла несколько улиц, прежде чем вышла к небольшой круглой площади, уютно вписавшейся в окружающие её здания. И теперь ей осталось найти лавку «Свинья и жёлудь». Она уже обратила внимание, что горожане любили украшать стены домов выющимся плющом, так что складывалось ощущение некой игрушечности. Домики, по большей части двухэтажные, с побелёнными стенами и резными, расписанными красками тёплых тонов, ставнями на окнах, навевали ощущение уюта и домашности. Нужную ей лавку Паола увидела почти сразу. Изящно выкованное изображение хрюшки, на круглом пяточке которой балансировал здоровенный каштан, привлекало внимание.

Стоило ей толкнуть дверь, как в глубине лавки зазвенел колокольчик. После солнечного дня она оказалась в полумраке, словно хозяин избегал света. Оглядевшись, Паола шагнула вглубь лавки, благодаря Тёмных богов за зрение, позволяющее ей видеть в полной темноте. Иначе две ступеньки превратились бы в совсем неизящное падение.

— На это и расчёт, — раздался голос, казалось бы, разносившийся со всех сторон. Но Паола сразу же определила источник и повернулась в ту сторону. — Так просто сразу определить сущность пришедшего за покупками. Человек-зевака, серьёзный покупатель или подобные тебе.

— Подобные мне?!

— Да. Твои сородичи обычно приходят в сумерках. Но ты совсем другое. Что ты такое?

— Я — кровь от крови моих родителей. И если мы закончили играть в «угадайку», то у меня есть пара вопросов.

Из самого тёмного угла, рассмотреть который не хватило даже её зрения, отделилась тень. Двигалась она настолько плавно, что казалось не идёт, а скользит над полом. Оказавшись рядом, тень приняла форму мужской фигуры, и внезапно в лавке вспыхнул свет, будто кто-то в один момент зажег сотню свечей. Паола, проявив выдержку и терпение, спокойно ожидала конца представления. Помещение лавки было заставлено полками с различными старинными вещами. Здесь присутствовали предметы быта, орудия труда, украшения и оружие минувших эпох. Паоле нравилось иногда находить в таких лавках осколки прошлой жизни. Они неизменно будили в ней чувство сопричастности с историей мира. К примеру, четыреста лет назад она держала в руках полоторный меч всадника из

клана Рез'згат, и вот он лежит тут на полке. Подписанный «Клинок последней эпохи Империи Ночи. VI ВЕК от пришествия Тёмных богов». И ни одному любителю древностей этого не понять.

Тем временем фигура, явившаяся перед ней, откинула капюшон и на Паолу уставилась... Паола. Первые секунды вампирша стояла как громом пораженная. А затем расхохоталась во все горло. Её двойник тоже улыбнулся, но улыбка вышла какая-то вымученная, будто её владельца мучила совесть. Отсмеявшись, Паола вытерла слезинку и улыбнулась своему отражению:

— Надо полагать, ты — камлок? [1] — изогнула бровь вампирша.

— Догадалась, забери тебя тьма, — беззлобно выругался камлок, оборачиваясь в человеческого мужчину средних лет. Трансформация происходила практически моментально, что говорило о богатом опыте. — Зови меня Тарвин Висс. Так меня все здесь называют.

— Хорошо Тарвин, — согласно кивнула Паола, — я разыскиваю кое-что, и мне нужна консультация профессионала.

— Так уж и профессионала, — проворчал камлок, но вампирша успела заметить, что маленькая лесть была ему приятна. — Ну, чего тебе?! Излагай. Если то, что тебе нужно у меня или я смогу это достать — оно твоё. За соответствующую сумму, конечно.

— Того, что я ищу, мастер Тарвин, у тебя нет. Но я тешу себя надеждой, что Вы направите меня на нужный путь.

— А-а! Девочка-вампир спрашивает о Камне Ночи...

— Откуда, сожри тебя волк, — внезапно взорвалась вампирша, — ты знаешь об этом?!

Сказать, что она была вне себя, значило ничего не сказать. Паола напоминала готовый извергнуться вулкан. Цель её миссии за одну минуту разгадал какой-то перевертыш. Видя гнев вампира, камлок вновь принял её образ и отступил на шаг назад:

— Не надо так нервничать, госпожа. Тарвин Висс живёт не первый год. И не первый год занимается поиском и продажей разных артефактов. Тут сложился небольшой круг коллекционеров, которые интересуются осколками прошлого. И среди них первое место занимает пресловутый кристалл. Поиском его тайно занято много лю...э, скажем так, существ.

— Зачем, — тихо произнесла Паола, — кому-то нужен Камень Ночи? Разве умение наводить Полог Сумеречности кому-то может пригодиться?

— О, госпожа, Вы плохо знаете коллекционеров. Желание обладать у них перевешивает все другие. Может, ему без надобности эти магические штучки, а вот побочные, так сказать, эффекты — очень даже.

— Какие еще эффекты? — нахмурилась Паола. Но камлок покачал головой: — Госпожа, вся дальнейшая информация стоит дорого. Если хотите её услышать, платите.

— Сколько?

— Я не говорил о деньгах, — хитро улыбнулся камлок, вновь становясь собой. — Мне потребуется от Вас некая услуга. В обмен на неё я поделюсь тем, что мне известно.

[1] Камлоки (перевертыши) — не путать с оборотнями; существа, способные перенимать образ увиденного ими существа. Не могут обращаться в неодушевлённые вещи. Для того, чтобы стать полностью идентичным копируемому образу, камлоку необходим контакт. В целом безвредны. Испокон тяготели к торговле и авантюрам.

Глава 6

— Очень хорошо. — Сквозь зубы процедила вампирша, настроение которой с катастрофической скоростью портилось. Ввязываться в чужие авантюры она не считала нужным. А уж в дела камлока ввязываться не хотела и подавно. Но обстоятельства опять были не в её пользу. Так что выбирать не приходилось. Даже если бы мелкий прохвост потребовал от неё станцевать на главной площади, она бы согласилась. Но что-то подсказывало ей, что танцами она не отделается.

— Несколько дней назад, — начал между тем хозяин лавки, — в соседнем городе стража схватила моего партнера.

— И ты хочешь, чтобы я его освободила? — Уточнила Паола.

— В целом — да. Но есть небольшая загвоздка.

Вампирша прищелкнула пальцами:

— Всегда есть небольшая загвоздка, да, камлок?! Что еще?! Твоего партнера, будь он неладен, отправили в Сарепту? Ко двору императора? — Хуже. Его схватили в Арене.

— Ого. Тогда я тебе не завидую, дружок. Можешь заказать заупокойную по своему партнеру. Потому как сдается мне — он уже кормит червей.

— Он будет их кормить, если ты не поторопишься. Через три дня начинаются Игры. И никто сейчас не устраивает поединков.

— То есть, ты предлагаешь мне ворваться в город, заполненный убийцами всех мастей, и утащить у них из-под носа главное блюдо?! Я ничего не упустила?

— Ну-у, у тебя же есть стимул.

— Он еще не настолько велик, чтобы я рисковала своей драгоценной шкурой. А что знаешь ты, может знать и кто-нибудь другой. Так что, мой уважаемый торговец подержанным тряпьем, тебе нужно что-то более весомое, чтобы сподвигнуть меня на столь головокружительный подвиг. Иначе, можешь взять один из тех ржавых мечей, которые ты выдаешь за настоящие, и отправиться на выручку друга самостоятельно. Счастливого дня, — Паола развернулась и сделала шаг к двери лавки.

— Пстой! погоди, — Тарвин Висс, буквально бросился за ней. — Твоя взяла. Выручи Адлен, и я не поскуплюсь. Твой риск будет полностью окуплен.

— Уже что то, — хмыкнула Паола. — как выглядит твой...друг?

— Не знаю, — опустил плечи камлок. — Она в панике и могла прикинуться кем угодно. Но ей это не поможет. Мы можем перенять личину, фигуру, но не навыки и умения. К тому же она...она...

— Договаривай, мой новый друг. Что с ней еще не так?!

— Она беременна, — выдавил, наконец, Тарвин.

— Всё чудеснее и чудеснее! — всплеснула руками вампирша. — Да ты просто кладезь хороших новостей, дружок. Что еще?

— Я иду с тобой.

И тут вампирша расхохоталась в голос:

— Ты... ты, действительно весельчак, друг мой. А что ты будешь делать? Драться с охраной? Или выйдешь на Арену, пока я буду её похищать?

— Я буду тебе помогать.

Паола хотела уже открыть рот и послать камлока на все четыре стороны, но вовремя сдержалась.

— Хорошо. Надеюсь, лошади у тебя есть. Потому что пешком я никуда не двинусь.

— Конечно, есть, — деланно обиделся Тарвин. — За кого ты меня держишь?

— За маленького любителя секретов, которому я перережу плотку, если он не расскажет мне того, что меня интересует. Мне еще нужно забрать вещи из гостиницы, так что встретимся у городских ворот через час, — но тут Паола вспомнила про сапоги, находящиеся у мастера. — Через два часа.

Дорога назад показалась короче. Все её мысли были заняты происшедшим разговором. Слишком много ила со дна поднял маленький проходимец. Слишком много вопросов. Кто еще узнавал про Камень Ночи? С какой целью? Были ли они вампирами? Слишком много вопросов и ни одного ответа. Но, всё по порядку. Уже на подходе к гостинице она пришла к выводу решать проблемы по мере их поступления. А сейчас нужно было послать Фельдию к обувщику и упаковать вещи. Путь предстоял не близкий. Но все ближайшие планы полетели в тартарары, едва Паола переступила порог таверны.

Картина, открывшаяся ей, очень напоминала уже виденную ранее. С полдюжины головорезов-наемников во главе с прелатом. Забившиеся в угол служанки и в центре мастер Пренто, у горла которого держит нож один из верзил. На скрип двери все повернули головы. Одни с недовольством на лице, другие с надеждой. Вампирша отметила полное отсутствие посетителей, что было странно, но вполне объяснимо:

— Что здесь происходит, милсдари, — поелику равнодушно спросила она.

— Дело церкви Саретиса, — отчеканил сар Тарган. — Не вмешивайтесь.

— Охотно. Но у меня дела с этим господином и мне необходимы его услуги, как можно быстрее.

— Выбросьте наглую девку на улицу! — Рывкнул священник своим псам, и тут же двое отделились от общей массы, двигаясь довольно слаженно. Видно давно работают в паре. Но возиться со всей сворой у Паолы не было никакого желания, и она сделала шаг навстречу. Ближний к ней уже протягивал руку, чтобы сжать ей плечо и выволочь на улицу. Поэтому она левой рукой отвела протянутую лапищу и ткнула пальцами правой в глаза оппонента. Человек заорал и рухнул на пол, хватаясь за лицо. Его товарищ, выхватив нож, кинулся на неё слева. Паола, провернувшись на пятке, ушла с линии атаки и, подхватив забытый служанкой кувшин с пивом, разбивает его об голову наёмника. Опытный головорез упал, как подкошенный. Уши улавливают шорох извлекаемых из ножен мечей, и Паола бросается к тому, кто держит владельца таверны. Он не ожидает такой дерзкой атаки и теряется. Схватив руку с ножом, вампирша ломает её сразу в двух местах и добивает упавшего ударом ноги. Остаётся трое и Паола останавливается.

— Надеюсь, что вам достаточно платят, чтобы умереть на полу таверны или лишиться здоровья раз и навсегда? — Спросила она. — А я еще даже мечом не воспользовалась.

Как всегда, что касалось наемников — если они видят, что могут выйти из передряги живыми, то сразу идут на переговоры. Но всё испортил сар Тарган, выхвативший из-под своих длинных одежд изрядный кинжал:

— Она одна, негодяи! Вы что, испугались бабы, пускай и шустрой!

Несколько мгновений они колебались, и Паола уже решила, что удастся избежать драки, но, к несчастью, сар Тарган знал магическую фразу, и не преминул ею воспользоваться:

— По пять золотых сверху. Каждому.

Наёмники оживились и вновь двинулись вперед, поигрывая мечами. Вампирша с сожалением покачала головой. У некоторых людей блеск золота отбивал весь без остатка инстинкт самосохранения. То, что трое уже выбыли из игры, их не останавливало.

Неожиданно рядом с ней выросла тень мастера Пренто, сжимавшего в руке моргенштерн.

— Я был не готов, — словно оправдываясь, бросил он. — К тому же, девочки не успели спрятаться.

Не сговариваясь, Паола бросилась влево, а владелец таверны, заноса своё оружие, вправо. Разминувшись с противно взвизгнувшей сталью, вампирша ударила проскочившего вперёд наёмника под колено. И когда грохоча, словно целая скобяная лавка, молодчик завалился, столкнувшись со столом, она с противным хрустом свернула ему шею. После этого Паола атаковала последнего стоящего на ногах слугу сар Таргана. Он сам в это время пытался сдерживать натиск булавы мастера Пренто. Выходило не очень. Отвлёкшись на добровольного помощника, Паола едва не схлопотала пару дюймов стали в свой живот. Отпрыгнув от своего противника, она тут же толкнула тяжелый стул ему под ноги. Но наемник легко избежал объятий цепкой мебели, подпрыгнув вверх. Сгруппировавшись в воздухе, он обрушил на Паолу тяжелый, нисходящий удар. Так как руки её были всё еще пусты, она решилась на отчаянный маневр. Буквально полшага вперёд и в бок, и тяжёлый полуторник вонзается в доски пола и застревает. Вампирша изо всех сил бьёт молодчика головой в лицо. Кровь щедро орошает доски пола, человек кричит, забыв про меч, обоими руками держась за лицо. Паола бьет его ногой в живот, и наемник отлетает к стене. Тем временем Пренто загнал жреца Саретиса в угол, нанося удары моргенштерном, словно по наковальне. Тому еще удавалось отводить кинжалом некоторые удары, хотя всем было件件но, что это просто вопрос времени. Наконец, «утренняя звезда» со всей силы опускается на ключицу священника. Короткий хруст, крик и следующий удар заканчивает короткое сражение. На полу таверны остаются лужи крови, двое раненых всё еще стонут. Приходится добить их. Запах крови становится просто одуряющим, так что Паоле приходится прикладывать немалое усилие, чтобы не выпустить клыки.

— Что будете делать? — спросила она.

— Приберёмся, — пожал плечами хозяин таверны. — Мои девочки не из болтливых.

При последнем замечании вампирша закатила глаза, но решила не вмешиваться.

— Мне нужно срочно уехать, мастер Пренто. Пускай Фельдия заберет мои сапоги у обувщика. Да, и еще мне нужно еды на пару дней.

— Сделаем.

Пока внизу началась уборка, Паола взлетела на второй этаж, забрать свои небогатые пожитки. С сожалением посмотрела на ванну, еще раз оглядела себя в платье и, вздохнув, начала переодеваться. Уложив вещи и, наконец, ощутив на плечах знакомую тяжесть тьги, вампирша почувствовала себя готовой к дороге. Хотя, наверное, она врала себе, потому как тоненький голосок, пробивавшийся сквозь её решимость, просил остаться. Просил надеть платье и хотя бы на день снова ощутить себя женщиной, побыть желанной и слабой. Но чувство долга вновь и вновь гнало её вперёд, к исполнению возложенной на неё миссии. Паола снова взглянула на платье, разложенное на постели и, выругавшись, вышла из комнаты.

Внизу её уже ждали сумки с едой и запыхавшаяся Фельдия. Тела уже таинственным образом исчезли, и служанки всю оттирали полы. Кивнув девушке, она кинула ей серебряную монетку:

— Припрячь моё платье до лучших времён. Я вернусь за ним через несколько дней.

Не прощаясь, Паола бодро зашагала к городским воротам, хмурясь от того, что день сопровождался какой-то нездоровой суетой с самого начала. Начинать ответственные дела с

сумбура — плохой знак. Но, как и всегда, обстоятельства были не на её стороне. У городских ворот она увидела образовавшийся затор. Стража производила обыски и проверку всех, покидающих Хвандар. И делала это тщательно. Неподалёку от ворот, в небольшом проулке, она заметила сидевшего на коне всадника с незнакомым лицом, кутавшегося в одетый не по погоде длинный плащ и державшего в заводи ещё одну лошадь. Стремительным шагом она направилась к нему, заметив, как его лицо расплывается в улыбке:

— Неужели узнала?! — спросил незнакомец голосом Тарвина.

— Догадалась, — буркнула вампирша, всё ещё недовольная чередой событий, следующей за ней по пятам с самого прибытия в этот городок. — Как мы минуем стражу?

— Нет ничего проще, — усмехнулся камлок, накидывая капюшон. И через пару мгновений из-под него на изумленную Паолу смотрело незнакомое женское лицо:

— Теперь я — сарина Шардо, любимая тётушка нашего градоначальника. Её здесь знают все. А кто не знает, слышал о её змеином характере, — камлок скинул капюшон и толкнул пятками лошадь:

— Не отставай!

Подъехав к воротам, минуя толпу горожан, купцов и прочего люда, сарина Шардо воззрилась на сержанта стражи, словно голодный волк на кусок мяса.

— Я отправляюсь за город со своей новой телохранительницей. И не потерплю задержек! Вам всё ясно, сержант?! — прошипела она, нагнувшись в седле.

— Предельно, сарина Шардо, — пролепетал несчастный служака и торопливо кивнул подчиненным. Те с поспешностью отволокли в сторону преграждавшую выезд рогатку. Паола с Тарвином, пришпорив лошадей, покинули Хвандар.

Многие места в государстве людей пользовались дурной славой и имели более чем угрожающую репутацию. Достойное место в их ряду занимала Арена. Город, основанный на руинах одного из вампирских форпостов, с одной единственной целью — развлечения и обогащения. Здесь сколачивались состояния и проигрывались в пух и прах. Подпольные азартные игры, гладиаторские бои привлекали ловцов удачи со всей Зидии. Только здесь можно было встретить и орков, и танов, и релкатов и других, не менее экзотичных жителей Айринской империи. Одни приходили сюда за славой, другие за возможностью быстро разбогатеть, третьи — испытать судьбу. И мало кого пугала возможность остаться в Арене навсегда. Часто проигравшие пари или бой, становились рабами, пожизненно или пока не выплатят игорный долг. И всё здесь пропиталось духом наживы и страданий, словно два голодных призрака, сопровождавших любого, кто задерживался в Арене.

Сам по себе город был небольшим. Казалось, что он специально был построен вокруг огромной бойцовой арены, давшей ему название. Здесь во время Игр с утра до ночи звенела сталь, раздавались крики бойцов и рёв трибун. Казалось, город никогда не засыпал. На обслуживание самой арены и бесчисленного количества бойцовских ям использовалось огромное количество рабов. Настоящими хозяевами города были Теневые Владыки, о которых многие слышали, но никто не видел, потому что привлечь их внимание к своей особе означало только одно — смерть. И не всегда быструю. Потому как причинение мук возводилось в Арене в ранг искусства, у которого были свои почитатели и меценаты. Здесь практиковались все виды пороков и тайных страстей, которые могла вообразить большая человеческая фантазия. В своё время один из императоров чуть не разрушил город, но в последний момент его убедили советники, прозорливо предвидевшие последствия столь необдуманного поступка. Подобные арены могли возникнуть в различных городах империи.

Что привело бы к неминуемому столкновению с церковью Саретиса и противниками центральной власти. А так, если людям не хватает остроты ощущений, то пусть выпускают пар вдалеке от цивилизации.

Уже пару дней спустя Паола с Тарвином проезжали под аркой, заменяющей Арене ворота. Повсюду висели знамена с восхвалениями скорых Игр, именами чемпионов и адресами мест, где принимались ставки.

— Нужно позаботиться о ночлеге, — сказала вампирша, с тревогой поглядывая по сторонам.

Карманники буквально жили на улицах города, так что ухо требовалось держать востро. Иначе можно было остаться без единого «коня» в городе, где обман и нажива буквально дышали вам в затылок. Проехав пару кварталов, на глаза им попала вывеска, гласящая, что в заведении «Кот и метла» есть свободные места.

Трёхэтажное здание выглядело не очень новым. И вообще, по наблюдению вампирши, вся архитектура в Арене носила следы упадка и разложения, будто мысли и поступки существ, его населявших, отражались на вещах, их окружавших. Но выбирать особенно не приходилось, завтра начнутся Игры, и со всей империи слетелись желающие попытать счастья. Зайдя внутрь, Паола так же осталась недовольна внутренней обстановкой, но виду не подавала. Заказав комнаты на двоих и горячую ванну, Паола едва не сцепилась с владельцем этой гостиницы после того, как он озвучил стоимость оплаты:

— Да ты совсем совесть потерял, душегуб! — возопила она. — Где это видано — по золотому за комнату! У тебя там королева Исилии убирается, что ли?! Спрячь свою мерзкую ухмылочку, проходимец!

Но владелец, низкорослый ллогн, только ухмылялся и продолжал разливать по бокалам тёмный эль группе наёмников со знаками свободных отрядов. Наконец, Паола выдохлась и посмотрела на Тарвина, всё это время стоящего рядом с вежливой улыбкой на лице.

— Если ты закончила, дорогая, — елеиным голосом начал он, — то я расплачусь с этим господином, а ты пока иди, проверь номер. Вдруг там действительно клопы размером с леопарда.

— В «Коте и метле» не бывает клопов, господа, — неожиданно заговорил ллогн высоким голосом. — Я самолично плачу господину магу, и он раз в полгода выводит всех паразитов. Так что переживайте за то, как правильно вложить ваши денежки.

Поднявшись наверх и всё-таки проверив комнату на наличие насекомых, Паола решила озвучить родившийся во время дороги у неё план.

— Я сегодня выставлю свою кандидатуру на бои, а ты будешь крутиться неподалёку. Можешь даже деньги поставить. Завтра начнутся бои, так что я постараюсь управиться затемно. Ты же, как только услышишь сигнал, с лошадьми будь у арены.

— Что за сигнал? — в свою очередь поинтересовался камлок.

— Ты поймешь. Главное, со страха не забудь всё то, чем хочешь со мной поделиться, дружок, — глаза вампирши нехорошо блеснули.

— Неужели ты мне всё еще не веришь?! — изумился Тарвин, но как-то наигранно.

И Паола не сочла нужным скрывать это:

— Если вздумаешь меня обмануть, — еще раз напомнила она, — Поверь, я сдеру с тебя кожу и скормлю твоей подруге. И смогу после этого спокойно уснуть.

На этой оптимистичной ноте она оставила своего нежданного союзника в комнате, а сама отправилась к арене. Идти было не далеко и Паола сосредоточенно просчитывала свои

действия. Предполагалось, что она выставит свою кандидатуру, и пока будет ожидать боёв, поищет пойманную подружку Тарвина. И смоемся до того, как придётся серьезно вляпаться в очередные неприятности. План был прост, но, с учётом импровизации, нравился ей своей наглостью.

Арена занимала центральную часть города, возвышаясь над ним на десяток этажей. Величие внушало уважение своим исполнением. Некогда могучий оплот бывшего мира сегодня превращен в источник дохода за счет убийства себе подобных. Жестоко, несправедливо, но — такова жизнь. Рядом с ней находились общественные бани, публичные дома и конторы букмекеров, принимающих ставки на того или иного бойца. А также контора, заключающая контракт с каждым, предполагающим, что может сражаться на арене. Вот туда и направила свои стопы Паола.

Отодвинув плечом немолодого верзилу, что исполнял роль и охранника, и зазывалы, она вошла в небольшое, полутёмное помещение, больше всего напоминающее таверну для одного человека. Стол, пара стульев и батарея бутылок с этикетками, указывающими на сорта местного пойла, в диком количестве производимого на частных винокурнях. Тип, сидевший за столом, вызвал у неё мгновенное желание вонзить клыки в его толстую шею. Одетый в давно не стиранную полосатую рубашку, выбившуюся из кожаных штанов, заляпанную жиром и Дарон еще знает, чем. Он, тем не менее, смотрел на вошедшую с видом герцога, увидевшего бездомного попрошайку у себя в сортире. Двойной подбородок, трясущиеся щёки и толстые волосатые пальцы, постоянно крутившие небольшой нож, дополняли портрет.

— Чего угодно, милсдарыня? — криво ухмыльнулся вербовщик. И морщины со шрамами сложились в подобие улыбки.

— Мне угодно поучаствовать в завтрашних играх.

— Ха-ха-ха! — во всё горло засмеялся неприятный субъект, и кулаки вампирши сжались. — Ты слышал, Кыст?! Кошка возомнила себя тигром!

В дверь заглянул зазывала, окинул Паолу взглядом, будто первый раз увидел её и пожал плечами:

— Коль жизнь не мила, то и мы ей не указ. Сказала, что хочет драться, так уважь её просьбу, а не смейся, как одержимый в полнолуние, — закончив свою речь, Кыст исчез.

— Ну, ладно, — жестом фокусника вербовщик достал лист бумаги. — Это стандартный договор на три дня. Выживешь, предложим полноценный контракт. Хотя, три дня Игр ни один новичок не пережил. Так что имей это в виду, девочка.

— Я тебе не....

— Знаю, знаю, — засмеялся он, — Ты уже взрослая и сама распоряжаешься своей жизнью. Так?

— Примерно, — «смутилась» вампирша.

— Тогда подписывай, и Кыст отведёт тебя в казарму.

— В какую еще казарму?! Я комнату сняла в городе! Без клопов!

— Новые правила, — спокойно ответил ей вербовщик. — Теперь все, подписавшие контракт на Игры, живут в казарме на территории арены. Никто не приходит, никто не уходит.

Паола продолжала ругаться — весь план шёл коту под хвост, причём с музыкой. Встретиться с Тарвином и не вызвать подозрений у Кыста не представлялось возможным. Она уже успела понять, что тупой громила — лишь маска, за которой скрывался опасный противник, недооценивать которого чревато неприятными последствиями. Уж слишком

правильная речь, да и глаза выдавали опытного фехтовальщика, да и просто бывалого воина. А такие всегда опасны вдвойне.

Тем временем, зазывала Кыст вел её по, казалось, бесконечным лестницам и переходам, углубляясь, словно крот под землю. Заметив, что она недоумённо вертит головой, сжалился и стал объяснять:

— Мы сейчас, девочка, находимся на три уровня ниже пола арены. Здесь расположены казармы, на втором — зверинец, на первом — мастерские разные, мертвецкие. Куда ж без них! И так, всякое, — внезапно закончил он свои пояснения. — Сейчас придем, поставлю тебя на довольствие. Голодная уже, небось?!

— Есть такое дело, — напустила на себя самоуверенный вид молодой наёмницы Паола.

— Хочу дать совет. Бесплатно, — свёл он густые брови на исчерченном мелкими шрамами лбу. — Вздумаешь сбежать — станешь рабыней. И не факт, что на арене, а не в каком-нибудь борделе для зверья. Уж не знаю, что тебе в головушку твою бедовую втемяшилось, но дороги назад уже нет. Только драться. Выиграешь — уйдешь с золотом. Там, гляди, и работку непыльную предложат. А начнешь дурить... Даже говорить не буду.

— Я всё поняла! Показывай уже казармы твои, Кыст.

— Ну-ну, — покачал головой старый рубака. — Если завтра на арене ты покажешь, что не только говорить горазда, поставлю вечером на тебя. А вот, кстати, мы и пришли.

Отличить это помещение от только что пройденных, было невозможно. Всё тот же серый песчаник, лишь кое-где разбавленный пятнами висящих шкур, всё с той же арены, видимо. Факелы, устало чадившие, отбрасывали такие же ленивые тени. Тёплый воздух шевелил паутину, местами напоминавшую рыбацкие сети. И тишина. Лишь где-то вдали слышались удары кузнечного молота. Вопреки её ожиданиям, это оказался длинный коридор, по которому они и прошли в казарму.

Само помещение выглядело, как и подобные ему по всей Зидии. Ряды коек, частью пустовавших, по обе стороны от центрального коридора. У входа и выхода — стража, вооруженная тяжелыми круглыми щитами и короткими мечами, чтоб удобней биться в ограниченном пространстве. Глухие шлемы скрывали лица стражи, что было не столь понятно, но, по-видимому, это было связано с местными традициями. Увидев Кыста, стражи не пошевелились, что говорило о железной муштре, сделала вывод вампирша. Но Кыст не остановился и повёл её дальше. Факелов стало меньше, зато паутины больше. Паола слышала писк и возню крыс в щелях и норах. В букет запахов добавился запах сырости и застарелого пота. А еще — крови. Много, много крови, пролитой выше на арене. И, казалось, еще больше — в глубине этих мрачных подвалов. «Не всё так просто с этим милым местечком, — подумала вампирша, поглядывая на беспечно идущего перед ней зазывалу».

Неожиданно они вышли в большое круглое помещение, сплошь покрытое песком, ржавым на вид от запёкшейся крови. В центре этой импровизированной арены сходились двое — человек, это была женщина и релкат. Вооружённая странным оружием, напоминавшим то ли копьё со слишком коротким древком, то ли меч со слишком длинной рукоятью, она успешно отражала атаки противника. Релкаты были существами достаточно неприятными во всех отношениях. Высокие, иногда в полтора человеческих роста, они обладали развитой мускулатурой и рефлексам. Светло-синяя кожа, длинные уши, абсолютно гладкая кожа головы и зубы, как у щуки, делали их заметными в любом обществе. А если сюда добавить и каннибализм, то портрет заставлял обходить его владельца по широкой дуге. Многие искренне считали, что Саретис поступил не мудро, выпустив в мир этот народ.

Радовало то, что релкаты были достаточно малочисленным народом и обитали лишь у истоков Нордара. Вооружён релкат был трезубцем и небольшим кулачным щитом, традиционным оружием их расы.

Пока Паола рассматривала сражающихся, женщина, закрутив свое оружие наподобие шеста, бросилась в атаку. Перехватив оружие за «пятку» одной рукой, она нанесла сильный круговой удар, но релкат принял его на щит и тут же попытался проткнуть её трезубцем. Его противница кувырком ушла из-под удара, не выпустив своего оружия. Неожиданно тишину разорвали крики и только сейчас Паола рассмотрела, что в стенах этой бойцовой ямы были вставлены решётки, за которыми сейчас бесновались другие наблюдатели. Здесь были, в основном, люди. Но острый глаз Паолы уже заметил сжавшегося в углу своей камеры баргача, заросшего густой шерстью по самые глаза. По соседству с ним бился о прутья кх'мис. Пара танов спокойно лицезрела представление, полируя свои жуткие топоры. И, конечно же, орки. Эти бы, наверное, дрались просто так, даже если б за это и не платили. Дальние клетки оставались в тени, но вампирша чувствовала, что они не пусты.

— Что это за зверинец?! — Повернула она горящее от гнева лицо к ухмыляющемуся Кысту. — Я не подписывалась драться с этими...этиими...

— Всё верно, — зазывала ощерил рот, в котором не доставало зубов, — ты подписывалась драться. А противника тебе выберем мы. Так что, всё честь по чести. Или ты уже передумала?!

— Не дождёшься! — Сплюнула Паола.

— Вот и чудненько. Эй, Эрдано, принимай еще одного кандидата, — рявкнул Кыст, подталкивая вампиршу к центру арены.

Из противоположного выхода, скрытый до этого в полумраке, вышел названный Эрдано, и Паола увидела самое удивительное существо — минотавра. О них рассказывали разные небылицы. И ни одна из них не была правдой. Потому что народ этот жил замкнуто на далёком острове в океане, куда не решался пристать ни один капитан. И вот, сейчас она впервые видела одного из них вживую. Высокий, одетый в длинную кольчугу, он был подпоясан широким поясом, на котором висел целый арсенал. На ногах были обуты тяжёлые сапоги, усиленные железными мысками. Но самым главным его оружием был лабрис. Видимо, многие века назад, орки скопировали с такого оружия свои знаменитые секиры. Но на мощной шее этого существа сидела отнюдь не человеческая голова. На Паолу уставились красные глаза чёрного быка.

— Хватит! — рыкнул он всё еще сражающейся паре. — Отдохните. И будь осторожней в следующий раз, Минерва. Синюшка может и попасть.

Релкат, ничуть не обидевшись на нелестное прозвище, широко улыбнулся и, закинув трезубец на плечо, проследовал в коридор, из которого, видимо, шли двери во все камеры. Женщина последовала за ним, бросив вопросительный взгляд на Паолу и Кыста. Кыст пожал плечами в ответ на её невысказанный вопрос и прислонился к арке, скрестив на груди мощные руки.

— Подойди ближе, девчонка! — проревел минотавр. — Хочу тебя рассмотреть. Вижу, этот мерзкий падальщик уже промышляет детьми для своих господ. Да, Кыст?! Что скажешь?

— Скажу, что мне плевать, Эрдано! Она сама пришла и подписала контракт на завтрашние Игры. Моя совесть чиста.

— Как скажешь, — было видно, что минотавр недоволен, но изменить ничего не мог. —

Ладно. Смотрю, у тебя сабля, девчонка.

— Я не девчонка, а это не сабля.

— Да ну, а мне кажется, что это зубочистка. Одолжишь мне после ужина?

— Могу одолжить прямо сейчас, — с нескрываемым вызовом ответила Паола, вытаскивая из ножен тьягу.

— Вот и хорошо, — неожиданно улыбнулся минотавр, но его улыбка скорее напоминала оскал. — Мне как раз не нужно ломать голову над тем, кого из этих неумёх выпустить из клетки поразмяться.

Из-за решёток донесся гул недовольных голосов и резкий свист. Но он не обратил на него внимания и, лёгким движением вскинув лабрис на плечо, поманил вампиршу:

— Нападай, девчонка!

Глава 7

Паола осторожно сделала первый шаг в центр арены, стараясь почувствовать атмосферу этого места. Впитать эманации минувших схваток, коснуться теней прошлого осторожным, робким прикосновением. Находящиеся вокруг неё существа, узнав о её мыслях, в лучшем случае приняли бы за умалишённую. Но самой Паоле это нравилось, и плевать она хотела на чужие мнения.

Тем временем минотавр не делал никаких движений, спокойно глядя на приближающегося соперника. Подойдя ближе, вампирша отметила десятки шрамов, будто сеть вен, исчертивших предплечья и морду противника. Его нарочитое спокойствие сбило бы с толку другого противника, но за плечами Паолы были сотни лет опыта и сотни схваток. Она улыбнулась про себя и, вытянув руку с тьягой в сторону минотавра, стала обходить его по кругу против солнца. Сидевшие в клетках бойцы кричали, отпуская шуточки в её адрес, но она лишь улыбалась и с каждым шагом сокращала дистанцию.

Шаг. Ещё. И, внезапно — резкий рывок вперёд и в сторону, спровоцировав молниеносную контратаку лабриса, опустившегося с неправдоподобной скоростью. Следовало ожидать, что наставником в подобном месте будет боец с экстраординарными способностями. Минотавр тем временем не «провалился», а тут же нанес горизонтальный удар, со свистом рассекая воздух. Паола, отпрянув, пропустила лезвие, ощущая холодок рассекаемого воздуха, и тут же нанесла удар крест-накрест, срывая дистанцию. Но минотавр, словно ожидая такого развития событий, ударил назад наверху топором, на котором алчно блестел стальной шип. Попади такой удар в тело, можно смело звать жрецов для отпевания. Вампирше пришлось прогнуться, опершись рукой на песок, а её противник, перехватив лабрис одной рукой, нанес широкий круговой удар, вложив в него, наверное, всю свою мощь. Паола, не ожидавшая, что столь массивный противник будет двигаться с такой скоростью, вынуждена была рухнуть спиной на песок и тут же кувырком уйти от тяжёлого сапога «звереголового».

Минотавр, усмехнувшись, снова пошёл в атаку, не давая ей опомниться. Он использовал секиру необычно — острыми рогами не рубил, а колол, нанося быстрые, смертельно опасные тычки. Лабрис, словно пушинка, летал, будто не весил ровным счётом ничего. И Паола решила сменить тактику. Использовать Когти она не могла, как и не могла жёстко встретить атакующую сталь. Подобное сразу же поставило бы вопрос о её нечеловеческой природе, а ей нужно было до конца миссии изображать человека, со всеми слабостями его недолговечного тела. Дождавшись очередного выпада, она, перехватив тьягу второй рукой за незаточенную часть, подбила лабрис вверх и, шагнув вперёд, ударила ногой минотавра в

колени. Не ожидавший подобного трюка, соперник зашатался, и Паола, развивая успех, ударила другой ногой еще раз в то же колено. Взревев, минотавр опустился на одно колено, сравнившись ростом с вампиршей, и она от души врезала ему кулаком в нос. Голова Эрдано дёрнулась, и красные капли веером разлетелись по песку арены. Паола тут же отпрыгнула назад, отдавая себе отчёт, что сыграла грязно, и может в ответ получить что-нибудь в том же духе. От камер не доносилось ни звука, над ареной повисла предгрозовая тишина, которую неожиданно нарушили звуки смеха.

— Хорошо! Вот это хорошо! — Пророкотал, поднимаясь на ноги, минотавр, и его звериная морда расплылась в усмешке. — Грязновато, но то, что нужно этим кровососам.

И, видя непонимание на лице Паолы, добавил:

— Зрителям. Я имел в виду чёртовых зрителей, а не кровопийц. Те хоть не устраивали подобного.

— Откуда ты можешь знать, Эрдано! Не думаю, что тебе уже стукнула тысяча лет. — Вампирша оперлась на тьегу, но всё еще сохраняла дистанцию.

— На моей родине мы не забываем своего прошлого. У нас есть многое из прежних эпох. Но меня всегда интересовала Ночная империя.

— Занятно, — ответила Паола, оглядывая клетки с притихшими бойцами. Кто-то из них был камлоком. Но кто, заведи его Тьма?!

Тем временем служители арены, всё так же сохраняя молчание, вышли, оставив бойцов без своего пристального внимания.

— В какую клетку усесться мне? — Буркнула вампирша, хмуро оглядывая ржавые решётки.

— Это не казарма, как тебе, наверное, уже поведал Кыст. Здесь воины расходятся, избегая соблазна вцепиться друг другу в глотку до боёв. А некоторые, чтобы не дать себя убить. Из страха перед настоящим действием, — добавил минотавр, видя недоверие на лице Паолы. — Представь себе, и такие попадают. Но это скорее исключение из правил. Чаще всего это осужденные, либо провинившиеся перед хозяевами этой клоаки. Да, вот тут, кстати, есть один. Из этих. Которые говорят, что не могут проливать кровь. Но завтра её прольют все. Так или иначе.

Усмехнувшись своей собственной философией, минотавр отправился к противоположному выходу с тренировочной площадки:

— На сегодня всё, задохлики. Отдыхайте! И начистить снаряжение. Иначе завтра поставлю в пару с Полумёртвым.

Последнее замечание как нельзя сильнее взволновало Паолу. Судя по рассказам её «дружка» Тарвина, отказывающимся драться могла быть и его подруга. Других вариантов у неё не возникало. Кыст тем временем проревел команду, и двери камер распахнулись. Бойцы нестройной толпой двинулись в ту сторону, откуда пришла Паола с зазывалой. В этом дивном смешении рас и народов, найти искомое было попросту невозможно, и вампирша решила отложить поиск до ужина. Ей досталась пара приветственных окриков и усмешек, но краем глаза она заметила и неприветливо поджатые губы. Но странным образом, её это только развеселило. План почти сложился у неё в голове.

В казарме она заметила пустующую кровать и двинулась к ней. К удивлению, на соседней койке разместились бывшая с релкатом женщина, которую минотавр назвал Минервой.

— Неплохо для соплячки, — добродушно ухмыльнувшись, произнесла она, садясь

рядом.

— Неплохо для старухи, — в тон ей парировала Паола. — Впервые вижу такое оружие.

— И то правда, — усмехнулась её собеседница, любовно протирая ветошью лезвие клинка, осматривая его на предмет трещин и выщерблин. — Моего Зимородка не встретишь в этих краях. Я забрала его у одного халифатца, уже очень давно. И с тех пор мы путешествуем вместе.

— А сюда ты как угодила?! — не удержалась от вопроса Паола.

— Тебе ведь, по-настоящему, нет никакого дела до того, кто я и что здесь делаю, — внезапно грубо прервала её женщина. — К чему это любопытство? Завтра нас могут поставить в пару, и мне придется тебя убить, несмотря на все твои трюки. А это проще сделать с тем, с кем до этого не делился слезливыми историями из жизни. Поэтому ложись и отдохни. Силы тебе очень пригодятся, причем совсем скоро.

Паола, не удивленная реакцией женщины-воина, спокойно скинула сапоги и улеглась на кровать, не раздеваясь, оставив под рукой тьягу так, чтобы дотянуться в любой миг. Она еще хотела спланировать завтрашний день, но сон оказался противником выше её возможностей и вырубил её с одного удара.

Побудка была, на удивление, щадящей. Свист и окрик Кыста выдернули бойцов из объятий богини снов. Ворча и поругиваясь, воины потянулись в умывальню. Взбодрить себя под струями холодной воды. Всё это время вампирша исподволь наблюдала за повадками соратников «по несчастью». Орки были спокойны, выступали с достоинством, не спешили вперед, как некоторые из людей. Их более дикие собратья, видимо, уже бросились в драку, но эти, как видно, уже давно находились среди людей. Так что научились сдерживать свои инстинкты.

Кх'мис, наоборот, забился в угол, поблёскивая оттуда глазами. Его хрупкое телосложение могло ввести в заблуждение любого неопытного путешественника или бойца. Паола знала, что тонкие, покрытые зелеными разводами руки, невероятно сильны. А пальцы заканчивались когтями, которые в атмосфере боя или опасности напитывались ядом, выделяемым железами кх'миса. Но это еще не все! Длинные волосы, напоминавшие иглы дикобраза, на самом деле таковыми и были. Мечом их не перерубить, а в бою они оживали, мечась по плечам своего хозяина, словно выводок змей. Паола пока выделила его как наиболее опасного противника.

Следующим был баргач. Редкий гость в этих краях. Огромный, размером с тролля, он мог сломать спину даже боевому мамонту. Правда, для этого его нужно было изрядно разозлить. Как воины, баргачи ценились в первую очередь за свою силу и выносливость, позволяющую сражаться даже со стрелой в груди. Одет он был в широкие штаны и кожаный нагрудник, который, кажется, вообще не снимал. Чем он будет сражаться, можно было и не гадать. Это будет что-нибудь, вроде выломанного с корнем дерева.

С танами Паола была хорошо знакома. Отличные бойцы, особенно в пешем строю. Их Стена стала головной болью для многих командиров, оказавшихся по другую сторону баррикад. Суровые северные края рожали суровых людей. Их земли были скудны и не урожайны. Поэтому разбой и грабёж шли рука об руку, начиная с момента, как юный тан смог поднять нож. Кровавые, разорительные набеги танов, не боящихся даже вампиров, заставляли относиться к ним серьезно.

К моменту, когда один из «стражей-надзирателей» позвал всех на завтрак, в казарме снова появился Кыст, теперь вместе с вербовщиком:

— Ну что, ребята! — Возопил он, как только головы стали поворачиваться в его сторону. — Вот и пришел час, когда кто-то из вас покроет себя неувядающей славой, а кто-то отправится на корм червям. Ешьте! Пейте! Как будто это всё в последний раз!

— Заткнулся бы ты, Руджвельд, — оборвала его разглагольствования Минерва, снова с утра начищающая свой меч. — Тошно слушать. Толкни свои бредни новичкам. Может, тебе даже поплодируют!

— Как скажешь, радость моя! — Сбить с толку вербовщика оказалось не так просто. — Я просто зашёл пожелать вам удачи. Потому что Владыки присутствуют сегодня на боях. Их пристальный взгляд может подтолкнуть чашу весов ваших несчастных жизней в ту или иную сторону. А я заработаю немного на ставках.

Со всех сторон слышались советы, как Руджвельд мог еще немного подзаработать. Но его это нисколько не задевало. Он довольно щерился, являя миру неровный частокол гнилых зубов. В конце концов, плотно позавтракав, бойцы разошлись по углам, проверить снаряжение, заточку лезвий, да и просто побыть с самими собой наедине. Скорая встреча с богиней Смерти очень этому способствовала. Поэтому, когда дюжина стражей вошла в казарму, все были готовы.

В первые секунды Арена оглушала вас. Затем вас захлестывала волна чужих эмоций. Ими было буквально все вокруг пропитано. Злость. Боль. Ярость. словно три предвестника Рока объявили это место своим домом. Они пронзали тело и душу вошедших под своды арены. Сиденья зрителей уходили вверх, оставляя жёлтый круг бойцовой арены как бы на дне стакана. Солнце, заглянувшее сегодня сюда, делало песок похожим на золотой. Но очень скоро ему предстоит изменить окраску. Пришедших посмотреть было так много, что они не умещались на рядах, поэтому стояли на ступенях и проходах. Затевались драки, быстро разнятые стражами арены. Всем не терпелось увидеть Смерть. Почувствовать её неслышную, лёгкую походку, когда она, спеша на арену, задевает вас краешком своего плаща. От этого кровь вскипает в венах, грозя разорвать их.

Когда их, наконец, вывели на арену, проведя по бесчисленным коридорам, Паола прикрыла глаза рукой, чтобы не ослепнуть. Солнце, стоявшее в зените, нещадно светило. Но зрители, казалось, не чувствовали его палящих лучей, устремив все взгляды на бойцов. По рядам пошли букмекеры, собирая ставки у тех, кто колебался до последнего. Но вскоре все крики смолкли и тысячи голов повернулись в сторону ложи, скрытой под тяжелым балдахинном. Тень, царившая в ней, не давала возможности рассмотреть сидевших. Все ждали условного сигнала. И вот, из мрака ложи, на арену вылетел белый шелковый платок, и публика взорвалась овациями. Перекрывая их, над головами зрителей и бойцов полетел хорошо поставленный голос:

— Жители и гости Арены! Сегодня мы начинаем наши ежегодные Игры, дабы выяснить — кто из наших бойцов — лучший! Игры прославят и обогатят одних из вас, а других только приблизят к пониманию воли богов.

Дальше Паола не слушала. Она вновь и вновь обводила шеренгу бойцов испытующим взглядом. Кто из этих отчаянных рубак всего лишь подделка?! К чести камлока нужно отметить, что себя она до сих пор не выдала ни жестом, ни звуком. Будто всю жизнь играла роль лихого рубаки. Но задачу вампирше это не облегчало. Она была уверена, что где-то там среди зрителей сейчас сидел и Тарвин, нервно комкающий край своего плаща.

Тем временем, бойцы стали расходиться, а распорядитель арены начал выкрикивать пары первых сражающихся. Её имя не прозвучало, и она вместе с остальными вернулась в

прохладу коридоров, чтобы оттуда наблюдать, как молодые воины пытаются снискать себе почёт и славу.

— Глупые мальчишки! — раздался рядом чей-то шёпот. Обернувшись, вампирша не удивилась, увидев Минерву. Та смотрела на арену, но в глазах стояла тоска.

— Почему? Если они избрали путь воина, то это их право, — пожала плечами Паола.

— Путь воина предполагает сражение во имя чего-то более значимого, чем одобрение толпы. Или кучки разряженных фанатиков, мнящих себя полубогами, — женщина сплюнула в гневе. И, отвернувшись от решетки, стала проверять снаряжение. Паоле стало интересно, и она внимательней присмотрелась к невольной собеседнице. Немолода, в волосах появились змейки седины. Но сухое, поджарое тело выдает ежедневные тренировки, на протяжении большей части жизни. Шрамы подтверждают, что это была тяжелая жизнь. А складки, залегшие в уголках губ, говорят о пережитом горе, что продолжает терзать Минерву. Но руки не дрожат, а лёд, застывший в её глазах, прямо указывает, что от такого противника нужно держаться подальше.

Но больше всего Минерву выдавала Цель. Это Паола поняла почти сразу, стоило только внимательней присмотреться к женщине. Она не получала удовольствия от происходящего, да и с релкатом дралась, словно заведенная игрушка. Механически. Держа перед внутренним взором кого-то другого. Странно. Вампирша решила позже разобраться в происходящем. А сейчас сосредоточиться на поединках и своей задаче.

Тем временем завершился первый бой. Раненого унесли служители арены, а победитель под радостные крики толпы вернулся к остальным. Распорядитель выкрикнул следующую пару и Паола внезапно услышала знакомое имя — Полумёртвый. Она прильнула к прутьям решётки. На жёлтый песок из туннеля, расположенного под ложей Владык, шагнула тень и трибуны взвыли. Но в криках толпы вампирша услышала не обожание или признание. Нет. Она услышала страх. Такого на её памяти еще не было. Воины вызывали разные чувства у зрителей, но никогда не заставляли себя бояться. Тень стала приобретать форму, и на арене оказалось существо, ранее не виданное даже шестисотлетней вампиршей. Более всего оно напоминало человека в древней одежде, украшенной медными кольцами, от которых тянулись цепи, скрывающиеся в темноте. На голове существа была надета тиара, щедро украшенная драгоценными камнями, среди которых выделялся крупный рубин. Но лицо его выглядело так, словно его пережевал крупный хищник. Иссохшие руки в браслетах несли огромную боевую косу, чьё жуткое лезвие испускало флюиды зла. Кроме косы, существо было вооружено изрядными когтями, чернее самой ночи. К тому же, оно не шло по песку, а парило над ним.

Паола почувствовала, как среди воинов, стоящих рядом с ней, прошелестел вздох. Кого-то вызовут, и кто-то умрет. Наверное, каждый из стоящих молил своих богов о даровании милости умереть не от этой мерзкой твари, что сейчас распространяла вокруг себя гнетущую ауру безысходности.

— Кральд! — Прогремел голос распорядителя, и один из танов, усмехнувшись, обменялся с собратом воинским приветствием — сжав предплечья. Затем, закинув секиру на плечо, двинулся навстречу неминуемой смерти, весело насвистывая.

— Отважный, ублюдок, — пророкотал рядом знакомый голос. Паола, скосив глаза, увидела стоящего рядом минотавра. Эрдано опирался на лабрис, но в глазах наставника стояла та же печаль, что и виденная ею раньше у Минервы. — Он знает, что шансов нет, но идёт так, словно бой уже им выигран. Кральд мне всегда нравился.

— Что это за тварь?! — спросила вампирша, не отводя глаз от арены. — Еще одно детище Саретиса?

— Смеешься, черноволосая, — фыркнул минотавр, по-животному мотнув головой. — Это — лич [1]. Правда, цепи и заклинания Владык не дают ему пользоваться магией, но и без неё он самый страшный боец из всех, виденных мной...

На миг арену поразил приступ немоты, словно отдавая дань уважения тану. И в ней отчетливо раздался крик:

— Умри достойно, брат!

Это кричал второй тан, обхватив прутья обеими руками. Даже орки, склонили головы и стучали кулаками о грудь, выказывая тем самым редкое уважения для представителей других рас Зидии.

Кральд, перехватив секиру, тем временем стал обходить парящего лича по широкой дуге. Тот, казалось, не замечал маневра, глядя перед собой наполненными туманом глазницами. Неожиданно тан бросился вперед, нанеся несколько размашистых ударов. Но противник с легкостью парировал их все. Сам же Кральд от первого выпада отлетел на несколько шагов назад. На лезвии его оружия появилась изрядная выщерблина. Бойцы стали кружить, выискивая слабые места в защите друг друга. Затем, как по команде, бросились в атаку. Кральд нанес еще один удар, когда страшное лезвие косы с легкостью отделило голову тана. Вверх ударил фонтан крови, радостно встреченный толпой. Тело, простояв еще одно мгновение, словно прощаясь, рухнуло на песок. Лич же, не выказав за весь поединок ни грамма эмоций, так же спокойно скрылся в темноте прохода. словно ночной кошмар, ушедший с наступлением утра.

— Это немного нечестно, скажу я вам, — произнесла вслух Паола, просто, чтобы увидеть реакцию остальных. Но все, казалось, спокойно отнеслись к возможности встретиться с этим ужасом на арене. Кроме Эрдано и Минервы. Минотавр был опечален, и не скрывал этого. Минерва же излучала почти осязаемую ярость, не видя и не слыша ничего вокруг. Она смотрела на тёмный зев коридора, в котором скрылся лич. Губы её шептали что-то и обостренный слух Паолы среди шума и криков выделил одно единственное слово, что повторяла сейчас женщина-воин:

— Кристо.

Но Игры продолжались дальше, и не раз еще песок окрашивался кровью сражавшихся на нем бойцов. Уже не надеясь поучаствовать в сегодняшних поединках, Паола едва не пропустила своё выдуманное имя.

— Вор'рен'кай! Аэдаль!

Она не слышала, кого вызвали на арену перед ней, поэтому шла, немного растерянная. На песке уже стоял её противник и с неприятным чувством Паола обнаружила в нем кх'миса. «Ну что ж, — прошептала она себе под нос, — это будет поучительно!»

Распорядитель ударил в ладоши, и бой начался. Кх'мис повернулся к ней, его безгубый рот растянулся в плотоядной усмешке. Длинные руки разведены в стороны, словно он хочет обнять давно не виденного друга. Но только удлиняющиеся когти портили это впечатление. Волосы, не сдерживаемые тесьмой, метались, словно тысячеголовая гидра. Паола решила изменить привычную тактику боя. Она вытянула тьгу в сторону противника, следя за его передвижениями поверх клинка. Вторая рука, сжатая в кулак, была прижата к поясу. Вор'рен'кай бросился вперед, игнорируя клинок, полностью полагаясь на свою скорость. Он знал, что с одного, даже точного, удара его не убить. А его когти, стоит им только коснуться

противника, выполняют своё предназначение. Когда он оказался в зоне досягаемости меча, Паола резко убрала клинок, вторая рука, сжатая до этого момента в кулак, распрямилась, и в лицо соперника полетела изрядная пригоршня песка. Не ожидавший такого финта кх'мис не успел ни зажмуриться, ни отвести голову. Вампирша, повернувшись на пятках, ушла вниз, развернувшись спиной и переменив хват на обратный, обеими руками вогнала тьягу в подборюшьё налетевшего противника. И тут же отпрыгнула в сторону, избегая встречи с ядовитыми когтями кх'миса.

Издав резкий птичий крик, Вор'рен'кай зашатался, но не упал, а бросился на вампиршу. Ей оставалось только выждать, когда кровопотеря даст о себе знать, и добить противника. Паола отшагнула назад, и со всей силы ударила ногой в живот набегавшего кх'миса. Не ожидавший еще одного грязного трюка, противник отлетел назад, пропахав спиной песок арены. Кровь тёмно-зеленого цвета брызнула во все стороны, но упрямец поднялся, шатаясь, словно дерево под ударами ветра. Трибуны взорвались криками. Исход боя был ясен всем. Но Вор'рен'кай хотел дотянуться хоть одним когтем до неуловимой противницы, до того, как смерть смежит его веки.

[Купить полную версию книги](#)